

Михаил Дорин

АВИАТОР
НАЗАД В СССР

Михаил Дорин

Авиатор: Назад в СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70199068

SelfPub; 2023

Аннотация

Чертова война забрала мою жизнь. Однако старушка-судьба не желая разбрасываться такими боевыми кадрами как я, закинула сознание боевого офицера в шкуру тщедушного подростка. Вот это поворот! Теперь моя давняя мечта – стать лётчиком, может наконец сбыться! Поступить в училище – легко! Окончить – без проблем! И всё бы ничего, да только год на дворе – 1976. Советский Союз во всем его «скромном» блеске!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	32
Глава 5	45
Глава 6	59
Глава 7	73
Глава 8	89
Глава 9	103
Глава 10	117
Глава 11	131
Глава 12	146
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Михаил Дорин

Авиатор: Назад в СССР

Глава 1

Такая прекрасная вещь, как наш мир, должен быть наполнен щебетанием птиц, дуновением тёплого ветра, снегом и дождём, сопением ребёнка, спящего в кроватке, улыбками девушек... а на деле?

Сейчас роль этого ребёнка исполняет Пётр Васильевич – один из моих подчинённых. Прапорщик, заставший ещё времена «лихих» девяностых со всеми конфликтами и войнами. Не знаю, что сейчас больше раздражает – его залиvistый храп или мой насморк.

На фоне всего хаоса вокруг нас, баланс душевного равновесия стоит ловить постоянно. Однако грязные волосы под шлемом уже напоминают иголки, превращая голову в кактус.

– Почему я не лысый из Brazzers, – сказал Лёха с позывным «Тунгус». – И волосы бы не чесались, и деньги бы зарабатывал без вреда здоровью.

Круглолицый «Тунгус» был уроженцем Забайкалья. Выделялся спокойным характером и полным отсутствием комплексов. Хотя, как может комплексовать человек, в одиночку ходивший в юности на медведей.

– Ага. Кем этот лысый только не был – военный, врач, космонавт. И везде ему дают. Иногда не раз и не одна, – усмехнулся Пашка «Моряк», прикомандированный к нам из бригады морской пехоты.

Я нехотя открыл глаза и поправил свой бронежилет. Как будто чувствовал, что вовремя проснулся.

По ушам ударил новый ансамбль песни и пляски со своим набором «традиционных инструментов». Зазвучали иные аккорды – треск автоматов, бас пулемётных очередей, вой противотанковых ракет и бесконечный свист и рокот, которые издают вертолёты.

– Как в кино, да, товарищ капитан? – спросил Паша, не переставая работать по лесопосадке из пулемёта.

– Ага, кино и немцы. Сейчас артиллерия работать начнут. Вообще не вздремнуть, – жаловался Васильевич, протирая глаза после непродолжительного сна. Прожжённый прапорщик, получивший за своё реноме наставника позывной «Черномор», рванул к своей огневой точке.

– На том свете отоспимся, батя, – сказал я и достал бинокль.

Просто так нам эту воздушную гавань не отдадут. Накрывать будут всеми имеющимися средствами.

– Пустой! – крикнул «Моряк», чей пулемёт сухо клацнул в отсутствии патронов в ленте.

«Тунгус» сменил Пашку, достав заряженный «аппарат для разматывания пехоты». Взявшийся продолжить дело, нача-

тое несколько часов назад, боец, яростно вбивал очереди в огрызающихся «зверят» из небольшого лесного массива.

Один из боевых вертолётов полностью разгрузил весь боезапас, прежде чем принять в правый борт зенитную ракету. А десант продолжал сыпаться на бетон в километре позади нас, выпрыгивая из грузовых кабин Ми-8. В воздухе, словно золотистые цветы, веером сыпались тепловые ловушки.

– Родя, тебя обходят! – слышал я подсказки своих соседей из второй группы, которая оберегала левый фланг.

– Справа! Справа! – раздался крик одного из моих бойцов.

И вновь вокруг всё закрутилось. Звон в ушах пробил нос, сняв с него заложенность. Гироскоп в моей голове закрутился со страшной силой, но вестибулярный аппарат помог восстановить ориентировку. Не зря хотел быть лётчиком!

– Сергеич, вставай! Вставай! – толкал меня кто-то в спину, но я совершенно не желал отрываться от столь мягкой груды бетона и дерева, куда меня отбросило.

– Капитан! – в очередной раз окрикнули меня. Вот знает Васильевич, как разбудить человека. Силы вернулись, и получилось подняться.

– Мощно прилетело, – крикнул я, восстанавливаясь после временного оглушения. Вокруг клубы пыли и осыпавшаяся побелка.

Очередная наступающая группа противника рассредоточилась в ближайшей лесопосадке. Одним нашим прицель-

ным огнём их было не достать.

Вход разворотило полностью. Танковый снаряд не оставил шансов на восстановление фасада этого здания.

Я продолжал оценивать обстановку и в голове рассчитывал порядок вывода на цель авиации. Вдалеке уже приближались танки и артиллерия противника, дабы смять нас.

– Зацепило, – проговорил я и попробовал встать, но вышло не очень. Колено тоже было перебито. Наколенники от пули, естественно, не спасли. Для самоуспокоения надевал их чтоб штаны не протереть!

Троим бойцам противника удалось подойти вплотную. Разобрав их по частям, я заметил обильное количество неиспользованных шприцев с прозрачной жидкостью, выпавших у одного из аптечки на поясе. Куда только проклятая ВАДА смотрит? Не там допинг ищут.

Васильевич на секунду оторвался от стрельбы и перекатился ко мне. Он заметил, что автоматная очередь прошла рядом со мной. Адреналин отступил быстро, позволяя мне почувствовать жгучую боль в боку.

– Дай, Сергеич, гляну, – сказал он.

– Чё смотреть? Течёт, батя, течёт, – сказал я и скатился по стене, оставив красный след на ней.

– Родя, сейчас «грачи» отработают. Отходи назад! – давал указание по связи старший, сидевший в здании командно-диспетчерского пункта аэродрома.

– А управлять, кто ими будет? Мои отходят – я приккры-

ваю, — ответил я и жестом показал подчинённым направление выдвижения.

— Капитан, у нас приказ вас прикрывать. Авианаводчиками рисковать не принято, — сказал Лёха «Тунгус» и вновь занял позицию для стрельбы.

И правда, в лучший мир не тороплюсь, но риски осознаю. Бежать не смогу, нога совсем нерабочая.

— Новых страна нарожает. Я не собираюсь умирать. Живо, сказал! — повысил я голос, но движение не началось. Васильевич ещё раз посмотрел на меня и всё понял.

— Чё застыли? А ну, к стене и в пролом! — крикнул прапорщик на «Тунгуса» и «Моряка».

Батя решил не рассусоливать и прервал героические возгласы молодых ребят, отшвырнув каждого к задней стене. Через небольшой пролом была прямая дорога до второго эшелона обороны.

«Сейчас наведёмся и поковыляем домой», — подумал я, прижавшись к стене и усаживаясь поудобнее.

Бойцы отошли уже далеко, отслеживать их дальше смысла не было. Стрельба с противоположной стороны стала затихать. А потом стало понятно почему.

Земля начала вибрировать и ходить ходуном. Многочисленные взрывы тяжёлых снарядов и ракет слились воедино. Вокруг горело всё — воздух, земля, бронетехника. «Чугуний» безжалостно продолжал сыпаться с небес.

— «Родник», я Триста шестьдесят третий. С напарником к

вам для работы. Дайте целеуказание, – сквозь шипение своей радиостанции я, наконец, услышал позывной командира штурмовиков.

– Триста шестьдесят третий, цель – лесопосадка. Отправляю посылку, – прохрипел я и ввёл несколько цифр в планшете.

– «Родник», цифры получил. Работаю.

Сознание погрузилось в темноту. Кровь не остановить, да и нечем. Промидоловые «витаминки» закончились и сейчас бесполезны. Слишком много пробоин получил корабль под названием «моё тело». А сквозь серые облака неожиданно пробило солнце. Никогда так не радовался его ослепляющему свету.

Когда сознание вынырнуло из тёмного омута в окружающую действительность, всё вокруг уже горело.

А перед глазами странный узор из различных треугольников, овалов и лепестков. Неужели в ином мире всё в цветах советских настенных ковров?

– Сергей, опоздаешь на занятия. Вставай, – где-то вдалеке услышал я женский голос.

Глава 2

Голова немного кружилась, но фокус уже настраивался. Живой! Мать вашу, я живой! Удалось всё-таки вытащить меня с того света нашим военным специалистам скальпеля и зажима.

При встрече каждого врача и медсестричку расцелую!

Кстати, где они? И почему в больнице пахнет сырниками, а не лекарствами? Живот громко заурчал на запах вкусностей, которые я ел в последний раз... а хрен его знает когда. Давно это было.

Пока единственное, что было мне знакомо – головная боль. Отключился с ней и очнулся тоже с ней. Однако шишка, которую я обнаружил в волосах, была крупная.

– Волосы? – вновь удивился я, попытался попробовать оторвать парик с моей роскошной лысины. Ни в какую!

На «Суперклея Момент», что ли, додумались приклеить? Хотел бы я посмотреть на того смельчака, которому пришла идея так надо мной подшутить. Увесистый шматок прилепили! Целую копну! С юмором у меня бойцы в отряде.

– Серёжка, вставай. Опоздаешь ведь, – вновь донёсся голос женщины.

– Медсестра! – громче сказал я вслух и откинул в сторону одеяло. На мне были надеты семейные трусы в горошек. Чересчур длинные, как игровые шорты баскетболистов, и до

колен прикрывают тонкие ноги. Чего они такие тощие, как у балеронов? Исхудал после операций?

Я встал с кровати слишком резко, отчего слегка пошатнулся. Сделал пару глубоких вдохов, дурнота отступила. Обзор помещения позволил сделать неутешительный вывод – это явно не госпиталь. Стиль оформления комнаты уж слишком винтажный.

На деревянном полу расстелен тёмно-зелёный тонкий палас, края которого изрядно махрились. При каждом моём шаге раздавался ужасный скрип. Большой лакированный шкаф открыт настежь. На его дверцах висят синие брюки и пиджак. На левом рукаве нашивка в виде открытой книги.

У деревянного окна, что тоже нонсенс, стоял большой письменный стол тёмно-бордовой расцветки. Три выдвижных ящика с железными ручками. Этот, видимо, «родственник» моего стола, который был у меня в начальных классах.

– А где люстра? – спросил я, обнаружив на потолке небольшой цилиндр зеленоватого цвета, свисавший на проводе.

И кто в наше время вешает ковры на стену? В СССР это был признак хорошей жизни. Самые умные считали, что это дополнительная звукоизоляция. Будто у всех соседи шумные были в Союзе, от которых не было покоя.

Я решил посмотреть, что в шкафу. Он выглядел мощным. Такой прибуёт и не развалится. На двери бумажная этикетка, указывающая, что страна-производитель – Югославия.

Страны, к сожалению, нет, зато мебель есть.

Внутри аккуратно сложенная одежда на нескольких полках. И не вся мужская. Есть и не одежда вовсе. В общем, хранилище всех тряпок.

Дверь комнаты была распахнута, и я вышел в коридор, в поисках женщины, что звала меня.

Двигаясь по небольшой двухкомнатной квартире, сделал вывод, что хозяева здесь поклонники советской моды. Зал был просторный и обставлен довольно скромно. Сервант с фарфоровым сервизом, диван-книжка с клетчатой накидкой, какой-то ящик с большими регуляторами громкости и настройки частоты, а также эмблемой то ли «Алиса», то ли «Арфа».

– Умная колонка новая, что ли? – спросил я вслух. – Алиса, какая погода сегодня?

Ещё пару раз повторил погромче, чтобы девайс начал работать, но ничего не происходило.

«Ну, может, интернет отключили», – подумал я и направился ещё к одному приспособлению в комнате. В углу стояла ещё одна огромная коробка, стилизованная под ламповый телевизор с надписью «Фотон» с кучей кнопок и серым экраном.

«Ну и крутые же штуки у местных ребят! На Алиэксpresso заказывали, видимо», – решил я, пока не встретился со своим отражением.

– Какого Высоцкого! – заорал я, увидев себя в большом

зеркале на двери шкафа.

В нём отображался худощавый подросток с густыми волосами медового оттенка.

«Всё-таки на мне был не парик. Волосы выглядят, как настоящие», – подумал я, проведя рукой по густой шевелюре вместо моей залысины.

У паренька глаза серо-голубые, нос ровный, шрамов на лице нет. Возраст точно не скажу, но лет семнадцать точно есть. А мне тридцать три было несколько минут назад. И прибило меня на войне знатно. А тут живой, без ран и на своих двоих.

Стою в шоке и рассматриваю себя нового. Предположений, что могло со мной случиться, совсем немного. Либо я в глубокой коме и мне всё снится, либо я конкретно попал. Вопросы только: куда? Во что? И как сильно?

Может, я прошёл через реинкарнацию? Переселение душ? А если Вачовски что-то знали и сняли «Матрицу», как документалку? Щас меня ещё агенты найдут и отключат.

За спиной послышались шаги, и в комнату вошла женщина. На вид чуть больше пятидесяти лет и явно не агент Смит. Небольшие мешки под глазами, кожа кое-где с морщинами. Волосы медового цвета, скручены в подобие шайбы и слегка тронуты сединой. Выстиранный синий халат с повязанным фартуком, давно потеряли яркость своих красок.

Главное – выражение лица у неё доброе, будто она готова тебя обнять и прижать к себе.

Не знаю, кем она приходится пареньку, которого я захватил? Или в плен взял? Попал в него, в общем! Эта добрая на вид женщина явно приходится ему близкой родственницей, коих у меня отродясь не было.

«Близкая для этого задохлика, но не для меня», – подумал я, ведь мои родители давно погибли, а воспитывал меня дядя.

– Ты чего кричишь? Привиделось чего? – спокойно спросила женщина.

– Это... категорически приветствую вас, женщина, – сказал я, перебирая в голове доступные фразы для первого знакомства.

– Серёжка, ты сильно головой ударился. Память отшибло? Не помнишь ничего? – спросила женщина, подошла ко мне и стала осматривать. Её руки пахли творогом, а от халата исходил приятный запах жареного. Запах сырников обеспечила именно она.

– А что произошло? – спросил я, хотя мне это совершенно неинтересно. Просто что-то ж надо говорить.

– Ой, да как всегда у тебя. Всё не по заветам, сам знаешь кого. Хоть помнишь, какой на дворе год?

И вот именно сейчас я понял, что не хочу знать ответа на этот вопрос. Сразу вспомнились фильмы о временных перемещениях. Фантазия у меня не на шутку разыгралась, что я в советскую квартиру попал. Да еще в боксёрском весе Паши Воли.

– Високосный, что ли?

– Ох, ну слава богу. Уж думала, ты совсем умом тронулся. Бабушку Надю свою не признал, – улыбнулась она.

Теперь мне стала известна её родственная связь с этим худосочным.

– Так, баб Надь, – сказал я и спокойно убрал её руки. Сырники пахли очень вкусно, что в животе засосало нещадно. – Это всё замечательно. Давай уже завтракать.

– Вот и я ж про тоже. Опоздаешь ведь в школу, – сказала она и заспешила из комнаты.

Мне надо было срочно умыться и пощипать себя. Как такое возможно, чтобы я оказался в теле школьника. И год-то не високосный! Бред какой-то!

Чтобы найти ванную, пришлось потыкаться в обе двери. Стоя перед зеркалом, я продолжал сомневаться в своей адекватности. Это только в кино возможны подобные случайности, судьбы, кармы или удача, что тебе позволяют переродиться. Пока всё сводится именно к этому.

Я взял зубную щётку. И почему мне известно, что зелёная именно моя? А вот пасты зубной не обнаружил. Ни одного тюбика, только банка с какой-то пудрой.

– Э-э-э, бабушка Надя, а паста закончилась, – крикнул я.

– Порошком почисти.

«Похоже, что эта пудра – средство для чистки зубов. Очередной бред!», – подумал я и попробовал насыпать порошок сверху. Эта спрессованная субстанция предательски высы-

палась в раковину. Соскрёб остатки щёткой и выполнил-таки задачу минимум.

От тела паренька ужасно воняло потом, и я решил принять душ. Ну хоть здесь изменений никаких – вода пока не слилась, горячей не стала. Шампунь долго искал, пока не догадался, что обитатели квартиры отдают предпочтение фирме «Яичный». Гениальный маркетолог у этой конторы! Заценив запах содержимого пузырька, решил таким не мыться. Ну его... Больше воняет, чем выделяет приятные ароматы.

С краю ванны лежал хороший такой кусь хозяйственного мыла. Помнится, дядя подшучивал надо мной из-за перхоти, говоря, что в своё время им голову мыли, и перхоти ни у кого не было. Не знаю, правду он говорил тогда или шутил, остаётся верить, что реально так и было.

– Сергей, давай скорее. Стынет всё! – гнала меня вперёд баба Надя.

Я вошёл на кухню и осторожно присел за небольшой стол. Ни тебе гарнитуров на всю стену, ни посудомоечной машины, ни машины стиральной. Олдскульный здесь народ – стирают руками!

Я присел за стол и приступил к трапезе. Такого никогда не ел. Пища богов! Видимо, из натурального готовит баба Надя творога или я настолько сильно голоден. Мои глаза выхватили очень старый календарь с изображением статуи «Рабочий и колхозница», висевший над холодильником марки «Зил». Опускаю, что местные обитатели до сих пор не вы-

кинули этот жужжащий гроб, но календарь, я бы поменял.

– Баб Надь, а чего календарь старый? На дворе уже двадцать второй, – сказал я, закидывая очередной сырник.

– Ну вот и память начинает восстанавливаться у тебя. Двадцать второе мая, високосного, 1976 года, – сказала бабушка, широко улыбнувшись.

Глава 3

В принципе я и предполагал нечто подобное услышать. Но чтоб настолько далеко меня закинуло... Блин, ну почему не в будущее? Почему в прошлое? Вот это попал! Получается, что я ещё не родился. Как такое возможно?

Голову пронзила острая боль. Перед глазами за несколько мгновений пробежала целая жизнь. Моя, которую я помнил прекрасно. Школьный выпускной и встреча рассвета с Юлькой Жаровой. Сцена с построением на плацу военного училища, будучи ещё абитуриентом. Прыжок с парашютом, злополучная драка с Сашей Кабановым и учёный совет. Вспомнил те слова, что звучали из уст зама начальника училища и всё – прощай карьера лётчика! Хорошо из армии не выгнали, а перевели в Белогорское. Кадры с застолья в белых рубашках и лейтенантские погоны на плечах. Отчим, дядя Жора в больнице перед моим отъездом на учения.

Кухня начала вращаться, сливаясь в сплошную пелену. Последний кадр этой плёнки запечатлел погрузку моей группы в вертолёт с ещё десятком людей в касках с георгиевскими лентами. А затем всплыли новые картинки.

Какой-то парад с красными флагами и портретами Ленина. Вот торжественное обещание перед вступлением в ряды пионеров. Рыбалка с какими-то пацанами и белый поплавок, исчезающий под водой. Игра «Зарница» и занятия в мастер-

ской с трудовиком Виталичем. Дёргаю за косички светловолосую девчонку, сидящую передо мной. А вот я уже пропускаю прямой удар в глаз, и Анька Краснова обрабатывает меня зелёнкой. Пускаю авиационную модель самолёта и сажусь в кабину Як-18 – самолёта спортивного и настоящего. И снова удар.

– Серёга! Сергей, очнись! Надя, опять он упал, – где-то вдалеке слышался хриплый мужской голос. Я попробовал разлепить веки, но получилось не сразу.

Надо мной склонилась баба Надя, а с ней рядом мужчина, выглядевший старше неё. Круглое лицо, покрытое множеством морщин, мощный подбородок, седые волосы и тот же добрый взгляд, что и у бабушки.

– Володь, может скорую. Шас только к соседям сбегая. Полежи пока, сынок, – сказала баба Надя. Для меня это было странно. Зачем куда-то идти? Есть же мобильник. Или ещё в этом мире не изобрели подобные гаджеты? Надо проверить, чтобы определить окончательно моё местоположение во временном пространстве.

– Да вы сто двенадцать наберите на сотовом. Так быстрее будет, – сказал я, однако на лицах стариков застыло недоумение.

– Что набрать? Это лекарства какие-то, Надь – «сотовый сто двенадцать»? – спросил у бабушки мужчина, но она только пожала плечами.

– Ладно, – отмахнулся я. – Кто президент России?

Прям-таки читается на их лицах: что ты несёшь, Серёга? Мол, ерунду какую-то спрашиваешь. Кто ж не знает Владимира Владимировича...

– Сынок, это у империалистов президент. А у нас Советском Союзе генеральный секретарь Брежнев, – проговорила бабушка.

Во дела! Неужто я реально в СССР? В теле подростка. Кому рассказать – не поверят. Ещё и в психушку загребут в одну палату с каким-нибудь Элвисом и Наполеоном. Однако, если это Союз 1976 года, то буду лечиться в компании Маяковского и Кутузова.

Старички помогли мне подняться с деревянного пола маленькой кухни и усадили за стол, где ещё стояла белая тарелка с каким-то синим узором. В ней лежали недоеденные мной сырники, а рядом стояла кружка в красный горошек с ароматным чаем.

Я ещё раз взглянул на присутствующих. Бабушка продолжала меня гладить по плечу, призывая вернуться к ним с небес на землю. С того света или с этого – непонятно. Мужчина был одет в рубашку светло-серого цвета и рабочие брюки, вроде тех, что на заводе раньше носили. Телосложение крепкое, плечи квадратные, руки в шрамах, а на ладонях затвердевшие морщины. Этот старик явно согнёт меня в бараний рог и не один раз.

А ведь я знаю, что передо мной мои бабушка Надя и дедушка Вова, с которыми живу, сколько себя помню. Види-

мо, моё сознание раздобыло некоторые фрагменты памяти предыдущего владельца этого тела.

– Серёжка, ты помнишь, что вчера произошло в аэроклубе? – спросил дед, усаживаясь за стол на белый табурет.

– Полёты вчера были, – неожиданно сказал я, вспоминая, будто это реально так и было.

Самолёты и правда были вчера. А ещё вертолёты, ракеты и множество взрывов. Немудрено, что лучше помнить полёт на спортивном Як-18.

И вот откуда это вспомнил? Этот Серёжка, может, и летал, но не я!

– Вот-вот, – закивала бабушка. – А дальше? Ты кушай. В школу скоро. Экзамены не за горами.

– Всё вспомнил? – поинтересовался дед.

– Летал... вроде. Посадка жёсткая была. Потом... короче, головой ударился, – отмахнулся я, поняв, что спорить с этой действительностью бесполезно. Похоже, придётся свыкнуться с тем, что я в Советском Союзе и на дворе 1976 год.

Остаток завтрака прошёл в полном молчании под новости, доносившиеся из радио на верхней полке. Небольшой коробок прямоугольной формы с лейблом «Альпинист» передавал обзор газеты «Правда».

– «Советское руководство сердечно приветствует всех гостей и участников IV Ташкентского кинофестиваля стран Азии, Африки и Латинской Америки. Наш девиз – «За мир!...», – вещала женщина диктор.

Наиважнейшая новость! Как раз у меня есть сценарий для фильма на следующий год, под названием «Попадос».

Чай был очень вкусным. В Союзе всё было вкуснее. ГОСТ жёстче, вот и гоняли за качество. Теперь хоть смогу наслаждаться хорошей пищей.

Обрывки памяти предыдущего Сергея должны помочь мне быстрее адаптироваться. Пока что есть несколько фактов, которые лежат на поверхности.

Я ученик десятого класса и скоро экзамены. Учусь на отлично. Просмотрев учебники и тетради, определил имя моего реципиента. Я был Родионовым, а стал Родиным Сергеем Сергеевичем. Только немного фамилию укоротили в небесной канцелярии, так что привыкнуть должен быстро. Пока надевал на себя школьную форму, вспомнились моменты из уроков и различные жизненные ситуации.

Родина периодически шпыняла парочка одноклассников, которым у него не получалось давать отпор. Со мной такого не будет. Я себя в обиду не дам.

А вот с девушкой мы общаемся. Ходим, гуляем, но не более того. Короче, дистанция соблюдается. Может, стоит её сократить? Сначала посмотрим на эту Аню Краснову вживую, потом определимся.

Дипломат собрал согласно расписанию в дневнике. У этого задохлика все «документы» в порядке. В школе я учился, конечно, не так, как этот ботаник. Спорт, компьютер, гулянки, но без троек закончил. А вот военное училище с красным

дипломом. И это не потому, что за мои оценки было стыдно. Один из лучших на курсе, епта!

В коридоре стояла коричневая тумба с зеркалом, на которую я благополучно присел, начав обуваться.

– Не ломай! Сам будешь ножки делать, – крикнул с кухни дед Вова, намекая, что обуваться нужно стоя. Пришлось оторвать пятую точку. Дед в этот момент завтракал и прекрасно контролировал процесс моего ухода. – На рыбалку когда пойдём?

– Какая ему рыбалка, Вов? Упадёт ещё там. Ему и к экзаменам готовиться надо, – настаивала бабушка.

Коричневые ботинки с белой полосой на месте шнуровки оказались удобными. Стопроцентная кожа! Умели же шить. Да, неброская, но качественная.

Подъезд я сразу узнал. Прожил в такой хрущёвке большую часть жизни и помню затхлый запах сырости из подвала, перебиваемый «ароматизатором» кошечек и пёсиков.

Но это в будущем. Сейчас здесь свежеекрашенные в синий цвет стены, ещё не разбитая плитка на полу, и приятный запах жареной рыбы, доносившийся из какой-то квартиры. Двери оббиты кожей и у каждой лежит тряпка. Видимо, коврик для вытирания подошвы. Отсутствие разномастных «автографов» на стенах тоже порадовало.

Подойдя к выходу из подъезда, я стал искать кнопку домофона, но её не оказалось. Не придумали ещё таких замков! А зачем, когда на лавочке всегда сидят бабульки и вы-

полняют роли справочного бюро, новостного агентства, критиков и мотиваторов. Как сейчас, например.

– Доброе утро, – сказал я двум женщинам в разноцветных халатах, сидящих на лавочке, которые что-то яро обсуждали.

– Ой, доброе, Серёжка! – воскликнула одна из них. – В школу? Откуда упал вчера, что тебя под руки привели?

– Подрался с кем-то? Не сидится вам на месте, молодым! В армию пойдёшь, научат вас там... – причитала другая.

– Борисна! Ты чего такое говоришь? Иди, Серёжка, учись! Потом в армию сходишь.

– Михална, не перебивай. В армию надо. Девка ни одна не взглянет. И мозги вставят на место. Вон с первого подъезда...

Дальше слушать не стал. Погода была замечательная, в воздухе аромат сирени и никаких вредных газов. Экология в норме. Определиться бы, что за город.

Тротуары и протоптанная тропинка мимо детских качелей. Турник, закреплённый между двух деревьев. Пустырь с вкопанными с двух сторон парами столбов – импровизированными футбольными воротами.

В центре квартала четырёхэтажное здание комбината бытового обслуживания или просто «Дом Быта» с большими панорамными окнами. Детский садик справа и школа через дорогу. А слева – гаражи и беседка с сидящими за столом мужиками, разыгрывающими очередную партию в домино.

– Рыба, Семёныч!

– Иваныч, дай отыгаться? Век воли не видать, старуха моя домой не пустит, если опять с тобой выпьем.

– Ну так выходные же? Семёныч, отдыхать надо. Труд на заводе – дело серьёзное...

Мой старый двор – ещё не заросший и такой родной. На душе прямо тепло стало!

На подходе к дороге, за которой были ворота школы, обнаружил отсутствие пешеходного перехода. Дети, проходившие мимо меня, особо не останавливались перед краем проезжей части. Бесстрашные, что ли? А если машина? Хотя, какие машины?

Пройдя через калитку, я оказался во дворе своей старой школы. Краска ещё не осыпалась и окна не пластиковые. Сплит-системы отсутствуют. Зато над центральным входом барельеф с изображением Ленина и годом основания школы – 1956. На всю ширину крыльца растянуто полотно с главным призывом Ильича: «Учиться, учиться и ещё раз учиться!»

Солидное заведение для моего Владимирска, как тогда назывался мой город. Это сейчас он Новоахтинск и живёт в нём тысяч триста человек. А тогда, если и дотягивал до ста пятидесяти, то это хорошо.

Одеты все школьники одинаково. В рубашках и обуви есть различия, а так всё единообразно и, не сказать, что безобразно. Смотрится вся эта однородная масса очень симпатично. Пацаны статные, подтянутые. Кто в кедах, кто в ботинках.

Пиджаки расстёгнуты или вовсе сняты. Рубашки в клетку, полоску и заправлены в штаны.

Девушки выглядят натурально в тёмно-коричневых платьях с фартуками и белыми кружевными воротничками. У кого косички, у кого карэ, кто-то просто в хвост собрал волосы. На ногах туфли, сандалии и белые гольфы. Ни грамма косметики, конфетный запах духов сливается с ароматом цветов воедино. И никаких розовых, зелёный, болотных и прочих оттенков волос. А ещё приятно смотреть на стройные, в меру упитанные ножки из-под юбок платьев, а не на худые и разукрашенные всякими татуировками куриные крылышки.

Все идут, общаются, смеются и не горбятся, пялясь в коробочки с лейблом в виде яблочного огрызка. А на входе в школу, словно на последнем рубеже обороны, дежурит мощного вида женщина в очках, с причёской, похожей на огромное гнездо. Бордовая юбка и бежевая блузка. Вилора Брониславовна – каноничный завуч советской школы, державшей всю дисциплину в своих мощных руках.

– Пёрышкина, короткая, я сказала! – делала замечание завуч девушке, чья юбка была неустановленной длины. – В понедельник чтоб исправила. Иначе на собрании комсомола твой вопрос подыму!

Прилюдное опускание или обсуждение косяков провинившегося в то время являлось главной дисциплинарной мерой. Считалось последним «китайским» предупреждением.

Могли и из комсомола выгнать!

– Родин! – окрикнул меня чей-то мужской голос. – Родин, как посадочка вчера прошла?

Ко мне приближалась группа из трёх парней, выглядевших ну явно не на семнадцать лет. Может, раньше взрослее все были? У кого-то уже были аккуратные усы щёткой.

– Курин сказал, что будешь траву дёргать за всех, – усмехнулся здоровяк, потиравший кулаки. – Что скажешь? С этим, хоть, справишься?

На полголовы выше и на пару сантиметров шире меня. Явно заносчивый и задиристый. По картотеке памяти Родина он проходил как Костя Бардин, главный задира в школе и основной соперник. В чём только мне с ним соревноваться – не представляю. А вот несколько волосин у него на подбородке меня уже бесят.

– Скажу, что тебе бы побриться не мешало, Костя, – сказал я и попытался пройти мимо. Так просто меня не могли отпустить, и Бардин попытался подставить подножку. Старый трюк, разгаданный мной в одно мгновение.

– Ах, ты! – воскликнул Костя, схватившись за стопу, когда я акцентировано наступил на голеностоп его выставленной ноги.

– Сейчас мы тебя отоварим! – воскликнул его усатый подручный, схватив меня за руку сзади. Бросив дипломат, я крутанулся назад. Захват его пальцев и стал заламывать большой с мизинцем. Сил в моем теле, даже при большом жела-

нии, не хватило бы, чтобы сломать эти пальцы. Слабоват Серёга Родин! Мордоворот взвыл, как побитый пёс и упал на колени.

Этот визг привлёк внимание стоявшей на ступенях школы заведующей учебной частью. И не только Вилору Брониславовну. Вокруг было много школьников, которые не могли пройти мимо крика погибающего.

Ну и несильно он и погибал в этот момент! Больше от неожиданности орал. Заметив приближение завуча и обратившиеся взоры, я отпустил руку и сделал вид, что помогаю подняться поверженному громиле.

– Братанчик... ой, товарищ! Давай помогу встать? Мож, где болит, что поправить? – затараторил я.

– Ты сейчас Родин..., – двинулся на меня Костя, но вовремя заметил приближающуюся беду. – Давай поможем, Серёга, нашему товарищу, – резко переобулся он.

– Бардин и Родин, опять драка? Я не посмотрю, что вы уже здоровые лбы. Уши оторву, если узнаю за ваш очередной мордобой! – грозила завуч, тыча в нас по очереди своим указательным пальцем.

– Всё хорошо, Вилора Брониславовна. Мы друзья..., – начал оправдываться я, но бойкая тётка заняла доминирующую позицию.

– Родин, помалкивай. Ваши стычки до добра не доведут. Что или кого не поделили? – не унималась завуч.

– Да что нам делить с ним?! – сказал Костя. Звучало это

пренебрежительно в мою сторону. Типа, куда ему до меня, мистера «три волосни из бороды». Я ж солидный парень. Вероятность, что Серёжка Родин где-то мог ему, Бардину, дорогу перейти – исключена!

– На занятия марш. И причешитесь! – бросила нам вслед завуч и быстро зашагала в сторону угла здания.

В моей голове этот манёвр Вилоры Брониславовны объяснялся желанием поймать парней за сигареткой.

Внутри школа ничем не отличалась от моей. Бетонные полы выкрашены в коричневый цвет с немногочисленными узорами. Стены синие, переходящие в побеленный потолок. Гордо расхаживающие старшеклассники с красными повязками дежурных, словно патрульные на улицах городов. Огромный стенд с фамилиями закончивших школу с золотой медалью и доска расписания. Всё от руки написано и красивым каллиграфическим почерком. А стенгазеты – вообще отдельный вид искусства. Как они это без фотошопа и цветного принтера делают?!

– Серый, как такое произошло вчера? Курин до сих пор в ярости, – подбежал ко мне парень, усыпанный веснушками.

– Да не помню, Мишка! Отстань, – отмахнулся я. Вот имя его вспомнил, а что ж там произошло и не вспоминается. Самому уже интересно, чего я там натворил. Кроме того, что летал и не помню ничего.

Кабинет нашёл не сразу. Пришлось напрягать память. Предполагал, что сразу смогу пользоваться всей информа-

цией своего предшественника, но тут ещё копать и копать. Когда вошёл в класс, ко мне подлетела девушка.

Большие зелёные глаза, пухлые щёчки, маленькие нос и подбородок, длинные ресницы и изогнутые брови, каштановые волосы. Та самая Аня Краснова во всей своей красе. Фигура на все шесть баллов. Я чуть не присвистнул, увидев её. Глазами пробежался сверху вниз, оценив объём форм и стройность ног. Жаль, что у Родина с ней исключительно «деловые» отношения. Хотя, что мешает их трансформировать в более «деловые»?

– Серёженька, ты как? Вчера к тебе приходила, ты спал. Баба Надя сказала, что как привели тебя, так и спишь. Голова как? – спросила она, приложив руку к моему лбу и осматривая шишку. – Большая такая! Болит?

«Чешется! Там такой рог вылез, который, конечно, болеть не может!», – подумал я. Её руки пахли сладким ароматом ванили. Так приятно, когда тебя жалеет девушка. Иногда хочется дать себе слабинку.

– Пошли на место, звонок же скоро, – сказала Аня и потащила на средний ряд за парту.

Дипломат поставил рядом и стал осматривать интерьер аудитории. Моё зрение зацепилось за огромный транспарант над чёрной доской: «Комсомолец, имя крепи делами своими!». По всему классу развешаны портреты великих математиков и партийных руководителей. Плакаты с формулами и теоремами выглядят, как новые.

– Ты чего не раскладываешься? Сейчас же ГПС придёт. Он не любит, когда не готовы к уроку.

– А это что такое, ГПС? – спросил я, пытаюсь подобрать хоть какие-то слова под эту аббревиатуру, но фантазии не хватало.

– Хорошо ты вчера ударился. Григорий Павлович – учитель геометрии. Он очень не любит, когда на столе порядок отсутствует.

В этот момент новые воспоминания включились в работу и напомнили, что ГПС – «где порядок на столе?» Эту фразу учитель алгебры и геометрии повторял за урок множество раз, вот и приклеилось к нему прозвище.

– Серёж, а что там с самолётом? Сильно ты его разломал?

– Чего!?! – вскрикнул я.

Глава 4

Мой первый день в новой школе казался мне таким длинным и скучным. Перед началом экзаменов учителя больше времени уделяют наставлениям: готовьтесь, повторяйте, вспоминайте, подучите, ну и всё в этом роде.

Один из моих старых знакомых сказал бы по этому поводу: «Всё знать невозможно, а половину не имеет смысла».

Краснова рассказала о произошедшем вчера на аэродроме, а Мишка на перемене объяснил всё более авиационным языком.

– Скорость не выдержал, раскачал самолёт сильно. При подходе к земле ты, видимо, отдал ручку от себя и пропахал грунт. Хорошо, что перед этим скорость хоть смог погасить, – объяснял он мне в столовой после третьего урока. – Со стороны ужасно смотрелось. Ты вроде неплохо летал до этого.

– И что теперь? – спросил я, ожидая, что по мою душу уже отправили комиссию. Обязуют теперь меня возмещать ущерб. С такими зарплатами в этом периоде нашей страны работать буду долго. Ещё и на следующую жизнь непогашенная задолженность перейдёт. В другое тело отправят, и буду расплачиваться за косяк моего предшественника.

– Теперь нашему Як-18 кранты. Курин сказал, что больше тебя одного не пустит в кабину.

Ну, ты, Родин, и рукозад! Всё больше убеждаюсь, что пацан невезучий от слова «совсем». Такому в авиацию лучше не идти. Хотя, есть ли у меня право так рассуждать. Меня самого-то с третьего курса выперли за драку. Ну, я-то балбес, а этот... Теперь Сергей Родин – это я. Значит, будем как-то выправлять положение. Пока, конечно, не разбудят меня или ещё в кого-нибудь не вселюсь.

– Ну, невелика потеря, – сказал я и сделал глоток чая.

– Ты чего, Сергей? – удивилась Аня. – Тебе для поступления нужно. Кто из нас в Белогорское собирался поступать на лётчика?

– Воу, полегче! – замахал я руками. – В Белогорское авиационное имени Нежного?

– Я думал, имени дважды героя Комарова, – сказал Миша. – А кто такой Нежный? Не слышал, что училище переименовали. Где прочитал такое? – спросил Миша.

– Ну как, где? Зайди в интер..., – вовремя остановился я. Запомнил, что отсутствует здесь всемирная паутина. – В Интернациональной библиотеке газетную подшивку изучил за прошлую неделю. Там непонятно было написано. Наверное, перепутал что-то.

Эта библиотека никогда не меняла своего названия. Выкрутился быстро! И не вспомнил же, что моё родное училище раньше готовило лётчиков, а потом офицеров боевого управления. Именно эту специальность получил и я. Это уже потом меня занесло в силы спецопераций.

– А документы? Вроде уже должны были вызов прислать, когда приезжать поступать на абитуру, – спросил Мишка.

И что ему ответить? Как будто я отправлял документы на поступление. Не представляю, как мой предшественник хотел поступить? Туда конкурс в советский период был по семь человек на место, а то и больше.

– Так ты ж говорил, что уже есть вызов на первое июля прибыть, – подстраховала меня Аня. И впрямь хороший друг!

Уроки подошли к концу. Такого длинного дня у меня даже на войне никогда не было. Выйдя на улицу, решил прогуляться до аэроклуба. Если память меня не подводит, он там же, где и в моей прошлой жизни.

– Ты как себя чувствуешь? – спросила Аня, подошедшая ко мне слева.

– Дышится у вас здесь хорошо, – сказал я.

– А почему у вас? – переспросила Аня.

– Не бери в голову. Прогуляться хочу. Не против?

Я заметил на её лице стеснение. Щёки слегка налились краской, а глаза быстро забегали из стороны в сторону.

– Пойдём. Это первый раз, когда ты сам предложил погулять. Неожиданно, – продолжала смущаться Краснова.

Однако не забыла меня нагрузить, позволив нести её портфель. У женщин искусство крутить мужчинами на генетическом уровне.

Я чувствовал, что по телу пошла небольшая дрожь, когда

наши ладони немного соприкоснулись. Наверняка тот Серёга был влюблён в Аню. Она вроде тоже к нему равнодушна.

Эх, дети! Сколько у вас ещё будет впереди романов и любовных интрижек. Ещё не раз мурашки по телу побегут, и не только после случайного касания.

– А ты почему решил погулять? – спросила Аня, перебирая собранные в хвост каштановые волосы.

– Погода хорошая. И в аэроклуб хочу сходить. Узнать надо, что там, да как. Вопросы порешать, – ответил я.

Аня перекинула свой хвост за спину и демонстративно перестала смотреть в мою сторону. Не это, может, хотела услышать от меня. Ну, ничего не поделаешь. Сейчас не до амурных дел.

Мы медленно шли по тенистым улицам Владимирска. Я не переставал глядеть по сторонам и восхищаться тем порядком и уютом, который царил в городе. Зелёная трава пробивалась на каждом участке, где нет асфальта. Деревянные столбы ещё не заменили бетонными. Хрущёвки и сталинки выглядят аккуратно и свежо. Брежневские девятиэтажки только начинали возводиться здесь. Пару домов можно было заметить вдалеке.

Водители на дорогах никуда не спешат. Автомобили и общественный транспорт, словно плывут в этом потоке безмятежности. Яркая окраска радует глаз. И кто сказал, что в Союзе всё было однотонное и серое?

Люди одеты вполне себе хорошо. Мужчины в брюках и

пёстрых футболках, а узоры на галстуках самых невероятных конфигураций. Брюки клёш и приталенные рубашки, реже встречались джинсы и батники. А женщины и девушки... Вернее, ах женщины и девушки!

Лёгкие платья, полностью повторяющие изгибы их статных тел. Яркая расцветка в горошек, линию, сплошным цветом. Чудесные причёски и яркий маникюр. Плюс на каблучках или в босоножках. И каждая лучезарно улыбается. Даже женщины постарше выглядят достойно и вполне себе желанно. Эх, где мои семнадцать лет?!

В громкоговорителях играет музыка.

«Опустел перрон, надо уходить. Мне теперь цветов никому дарить», – начала играть песня какого-то ВИА. И зачем такая большая аббревиатура? Группой бы называли свои бойз-бэнды и всё.

В голову пришла мысль: «Серый, ты ведь с дамой. Не забывай, кому мороженое, а кому цветы! Где их только взять?»

«Где же моя, черноглазая где? В Вологде-где-где-где, в Вологде где!», – запел свой припев другой ансамбль.

Ни тебе палаток, ни рекламных щитов и экранов. Только ларьки с мороженым и квасом из бочки. Плохо без 2ГИС и Яндексa!

Вот автоматы со сладкой и газированной водой. Помню, дядя рассказывал, что с сиропом вода стоила три копейки, а без него – одну. Пока моя спутница будет пить, надо найти цветы.

Я порылся в карманах. Нашёл смятую купюру бежевого цвета с гербом СССР и несколько медных монет.

– Ань, будешь что-нибудь? – спросил я. Девушка немного застеснялась опять и молча указала на автоматы с газировкой.

С деньгами разобрался и закинул по три копейки в два больших автомата красного цвета. Вкус газировки просто невероятный!

Как раз за автоматами была клумба с чудесными полевыми цветами. Тут главное – скорость и быстрота реакции, сорвать и убежать. Камер нет, полиции тоже. Тьфу, здесь же милиция!

– Родин, – зашипела на меня Аня, когда протянул ей разноцветный букетик. – Тебя могли увидеть.

– Могу посадить обратно, – предложил я.

– Нет, – замахала она руками. – Спасибо!

М-да, совершенно своей личной жизнью не занимался мой предшественник. Сразу видно, что это первый подобный комплимент для Ани со стороны Сергея.

Монументальное сооружение города – кинотеатр «Октябрь» с плакатом «Слава советскому кино!» и огромной мозаикой красного флага с серпом и молотом на фасаде. Чего только в этом здании не происходило после развала Союза, вот только кино не было.

Сейчас афиши предлагают к просмотру «Зиту и Гиту» и «Зорро». Это из импортного. А вот и отечественный хит се-

зона – «Табор уходит в небо».

Кино СССР мне нравится. В нём всё по родному как-то, душевно. А про масштаб картин Бондарчука-старшего и Озерова я вообще молчу.

Наконец-то, мы достигли ворот представительства ДОСААФ во Владимирске. Большое четырёхэтажное здание с несколькими пристройками, выкрашенное в бело-зелёной гамме.

На заднем дворе слышен звук двигателей грузовиков, проезжающих по автодрому. На футбольном поле гудят авиамодели, запускаемые молодыми ребятами, а самая многочисленная группа изучает конструкцию самолёта Л-29. Образец уже явно нелётный, но для обучения самое-то.

Аня сказала, что подождёт на лавочке у входа, пока мы не поговорим с Куриным.

В здании ДОСААФа на меня смотрели настороженно, будто перед ними призрак какой-то. Кто-то из школьников стороной обходил, но преподаватели спрашивали о состоянии здоровья. Интересно, из вежливости или действительно переживают.

Я нашёл своего инструктора, Георгия Сергеевича Курина. Память предыдущего Родина подсказала его внешность. Невысокого роста, редкие тёмные волосы и несколько вставленных железных зубов.

Мне вспомнилось, что сюда меня привёл дедушка Вова. С Куриным они знакомы давно, но при каких обстоятельствах

– не рассказывал. Вроде на фронте познакомились.

Разговор получился непростым. Вернее, он стал непростым после длинного монолога Георгия Сергеевича, описывающего меня во всех красках. Потом, вроде, он успокоился и перешёл к нравоучениям.

– Родин, ты в лётное поступаешь. Узнают, что разбил самолёт – забудешь про полёты навсегда, – продолжал наставлять меня Курин.

– Всё понимаю, Георгий Сергеевич. Как вообще такое могло получиться? Я ударился и не помню ничего.

– Если честно, не понимаю, как ты вообще выжил. Стойки шасси сломаны, лопасти и двигатель всмятку, а на тебе ни царапины. Шишка вон торчит только.

Мы спустились вниз и вышли на задний двор, который был одновременно и стоянкой самолётов. Отсюда самолёты выкатывали к взлётно-посадочной полосе. Бетонная площадка, заставленная спортивными воздушными судами прежних лет. Вернее, в этом времени они ещё были в норме – свежеекрашенны в зелёные и красно-белые цвета, чёрные следы копоты на капотах силовой установки. Поршневые «прадедушки» Российской авиации!

Одно из мест здесь и занимал разбитый Як-18. Мы подошли к нему, и голову вновь пронзила невероятная боль. Будто снова пережил аварию. Вспомнилось каждое движение, отклонение органов управления, и как вела себя машина.

Вот я пытаюсь выпустить шасси, но давления в воздуш-

ной системе не хватает. Стойки не выходят. Начинаю гасить скорость, но ручка управления самолётом не слушается. Начинаю изменять обороты двигателя и тоже ни в какую.

Шасси аварийно выпустил, ручку управления уже перед самым касанием смог отклонить на себя, а затем удар.

– Шасси не выходило, управление не слушалось. Может, проблема в тросовой проводке? – спросил я. Курин посмотрел на меня удивлённым взглядом. Видимо, не ждал подобного предположения.

– Ещё не разбирались. Комиссия будет решать. Пока от полётов тебя отстранили. Учи матчасть, – сказал Георгий Сергеевич и похлопал меня по плечу.

Из всего этого следует вывод, что не был Серёжка Родин неумелым. Система управления на Як-18 отказала, плюс шасси не вышли сразу. В семнадцать лет мало кому бы удалось посадить после такого самолёт. И, как это ни печально, парень должен был погибнуть, что и произошло. Но непостижимым образом наши с ним временные линии в этот момент пересеклись. Я погиб на войне, а он при заходе на посадку. Так должно было случиться, но получилось то, что получилось. Назовём это – гибрид сознаний.

– Что ты сейчас сказал про временные линии, Серёжка? – спросила Аня, когда мы подошли к подъезду её дома.

Наследие эпохи Сталина – трёхэтажный дом, потолки в квартирах высоченные, кубатура большая, а балконы маленькие. На первом этаже в таких домах помещения для ма-

газинов или кафе.

– Я вслух сейчас всё говорил?

– Ну, так. Бормотал что-то под нос. Я только про временные линии разобрала. Сегодня гуляем вечером?

– С тобой? – спросил я. Ты по гороскопу олень, Родин? А с кем ещё тебе может девчонка предложить гулять! – Да, давай. Зайти за тобой?

Анечка засмеялась и кивнула. Отдав ей портфель, я зашагал к своему дому, ощущая на себе женский взгляд.

В размышлениях о будущем дошёл до своей хрущёвки.

Опускаем все голливудские и мосфильмовские фантастические сюжеты и делаем вывод, что я попал в тело семнадцатилетнего парня в 1976 году. Мир не альтернативный и не какая-то часть безумной марвеловской мультивселенной.

Диспозиция у меня следующая. Выпускной класс, скоро экзамены и мои документы поданы в лётное училище. Это все хорошие новости.

Из плохого – я дрыщ. Это надо исправлять. Несмотря на то, что при виде Анечки мой разум начинает затуманиваться, благодаря скрытым низменным инстинктам моего предшественника, всё внимание нужно уделить экзаменам и своему развитию. Ещё бы денег где достать. Вряд ли у моих стариков солидный бюджет. Короче, работаем!

– Родин, стой! Дело есть, – крикнул мне Костя Бардин, движущийся в сопровождении двух своих поделльников.

Напыщенный вид, разминание кулаков и засученные ру-

кава – все внешние признаки готовности ко второму раунду со стороны этого трио.

– Не вздумай бежать! – крикнул мордоворот, которому я выкрутил сегодня пальцы. Дима Бодров зовут этого атлета.

– А то мы зн... знаем тебя, – впервые услышал я Саву Бочкина – третьего члена группы, который слегка заикался.

Я положил дипломат и пиджак на скамейку перед подъездом и расстегнул рукава. Всем своим видом показывал, что готов принять вызов и не отступить. Пока непонятно, в чём суть претензий со стороны Кости, но утренний удар по самолюбию он не мог оставить без ответа.

Трёх богатырям оставалось до меня несколько шагов. Тактику я уже продумал наперёд. Как буду вырубать одного ударом в «солнышко». Уход в сторону от второго с апперкотом через руку. С третьим проще. Он уже будет думать. Главное, чтобы в моём хиллом тельце хватило сил для пары этих ударов.

Бардин замедлился и остановился передо мной, затормозив руками своих товарищей.

– А ты не слишком осме...осмелел, Ро...Родин? – спросил Сава.

Полез вперёд главаря – по шее на! Костя не постеснялся отвесить ему небольшого «леща» при мне. У них в тройке тон задаёт именно Бардин. Нельзя вперёд него!

– Ты старший? Раз нет, то не лезь, – сказал Костя и повернулся ко мне. – А ты не слишком осмелел, Родин? – повто-

рил он реплику Бочкина.

– Нет, – уверенно ответил я. Нужно подождать реакции. Противник должен видеть и чувствовать отсутствие страха.

– Давно не получал? – сказал усатый Дима. Он удостоился гневного взгляда Кости. Что за несогласованность действий у этих ребят?!

– Я говорю. Замолчали, – рыкнул Бардин. – Давно не получал?

У них, по-моему, один мозг на троих. Ограниченный запас реплик и слов. В памяти всплыло, что все трое успеваемостью не блещут. У Кости родители, вроде, непростые. У остальных пока вспомнить не получается, а может, и не знал этого мой предшественник.

– У вас, ребят, ума, как у ракушки. Не получал давно, а если и недавно, то не помню. Есть претензии по делу, я слушаю. Только быстрее, вам домой пора.

– Я тебя насчёт Гали предупреждал? Не забудь, вальс она со мной танцует на выпускном. Ты услышал? – сказал Костя и ткнул мне в грудь пальцем. Я постарался не шелохнуться, но это было непросто. Массы этому телу явно не хватает.

Продолжать разговор я не видел смысла. Да и троица заспешила по своим делам. Какая Галя? Что за вальс?

В школе, помню, был у нас на выпускном вальс. Танцевали с девчонками из параллельных классов или со своего. Не всех ставили в этот номер. Сначала добровольно, а потом и принудительно. Как я попал в это шоу «Танцев со звёзда-

ми» – не понимаю. Меня туда затащила девчонка одна. Может, на что-то рассчитывала после, но дальше вальса дело не пошло.

Вообще, танцы – дело хорошее. Особенно, если умеешь. А если ты с координацией не дружишь, то делать там нечего.

И кто такая Галя? Может, партнёрша по вальсу? Выходит, ты не так плох, Родин. Две девушки – с одной гуляешь, с другой танцуешь. Раз наезды есть со стороны Кости, значит, он к этой Гале неровно дышит.

Я взял свои вещи со скамейки и пошёл домой. Краем уха уловил до боли знакомый звук, нарастающий с каждой секундой. Его ни с чем не спутаешь.

Когда я поднял голову, надо мной на малой высоте пронёсся истребитель и перешёл в набор. Форсаж в нижней точке выполнения манёвра и воздух буквально разорвало на части от звука вырвавшегося факела из каждого сопла. Я представил себе, как лётчик плавно тянет на себя ручку, не превышая установленных перегрузки и угла атаки. Проходит верхнюю точку, нос самолёта «ложится» на горизонт, выключает форсаж и плавно выводит машину.

Такое никогда не может надоесть. Пожалуй, лучшая работа в мире.

Глава 5

Вечером долго гуляли с Анечкой. Хорошая и приятная девушка, но чувствуется недосказанность в отношениях со мной. Ну или с Сергеем. Да какая уже разница!

Девушка постоянно перебирала заплетённые косички. Серо-голубого цвета платье, подрезанное выше допустимого уровня, и белые туфли на небольшом каблуке. В ушах аккуратные серёжки и бесцветный лак на ногтях. Аккуратно и очень притягательно.

Когда мой глаз падал на её вздымающуюся грудь, в нескромном месте ниже пояса становилось некомфортно. Пожалуй, мой предшественник не имел богатого опыта в постельных делах. Будет сложно получить его в ближайшее время. Тем более с желанным объектом.

– Предлагаю в парк, не против? – спросила Аня, но у меня возникли сомнения в правильности этой идеи.

– А что там делать? – спросил я, вспоминая убогий вид и полное отсутствие освещения в нашем парке.

– Как что? Ну, там все гуляют. На лавочке посидим.

– Там ещё и посидеть где-то можно? – удивился я.

– Родин, ты себя хорошо чувствуешь? Тебе воздух свежий нужен. Пошли, пошли.

Парк культуры и отдыха – центральное место вечерних прогулок во Владимирске. Арена разборок и потребления

горячительных напитков, выгула собак и посиделок на теплотрассе. Краска на памятнике Гагарину осыпалась, качели скрипят, а лавочки похожи на кактусы – зелёные и с торчащими гвоздями. Деревья и цветы никто не поливает. Откуда здесь взяться свежему воздуху – не представляю!

Однако я забыл, что сейчас не нулевые и не девяностые, когда я в последний раз был здесь. Парк выглядит очень красиво. На столбах ярко горят круглые фонари, а над тенистыми аллеями висят разнообразные огоньки и портреты советских лидеров. Повсюду красные флаги и палатки с различными вкусностями. Гагарин весело улыбается с пьедестала, в окружении большой клумбы благоухающих цветов, которые поливает рабочий в треугольной панаме, сделанной из газеты.

Где-то вдалеке играет музыка на танцевальной площадке, огороженной сеточным забором. Народ постепенно прибывает туда, разогреваясь под ритм песни в стиле «Битлз». Только голос не Джона Леннона или Пола Маккартни.

– Вот знать бы, о чём поют «Кристи» в этой песне, правда, Серёж? – спросила Аня, пытаясь повторять английские слова. Теперь хоть название группы знаю.

– «Жёлтая река, жёлтая река у меня на уме, и у меня в глазах. Жёлтая река, жёлтая река у меня в крови, это место я люблю». Ничего ведь сложного, – сказал я.

– А ты откуда знаешь английский? Мы же только немецкий изучаем, – удивилась Аня.

– Так... это, не знаю я его. По радио как-то услышал в передаче «На всех широтах», – вывернулся я, вспомнив, как дядя рассказывал, что только там можно было услышать зарубежные песни.

Вроде поверила, но надо стараться свои языковые навыки при себе держать.

Мимо проходили влюблённые парочки, держащиеся за ручку. Некоторые парни обнимали своих спутниц за талию или плечи. Наверное, это было допустимой близостью на людях.

Одна компания молодых людей играет на гитаре известные композиции Высоцкого. Другая бурно обсуждает вечерний киносеанс и сюжет индийского фильма.

Мы сели на свободную скамейку. Солнце ещё не скрылось за горизонтом и было вполне себе тепло, чтобы одевать синюю олимпийку от спортивного костюма. Гардероб у Родина оказался небогатым. Ну, в СССР большинство так жили.

Что-то достать было тяжело. Все хорошие вещи расхватавали очень быстро. Они «выбрасывались» на рынок или в магазины и тут же оказывались у «своих».

Трикотажные брюки, рубашка серого цвета и ботинки – таков мой «прикид» на вечер. Я не хотел брать кофту с собой. Майские вечера в городе тёплые. Уже чувствуется лето, но дед настоял.

– Ты с девушкой идёшь. Она замёрзнет вечером, а ты её и обогреешь. Я побольше тебя на сеновал-то ходил. Толк

знаю, – сказал дед Вова, видя, что я не беру верхней одежды с собой. Старая школа, а толк всё равно знает.

Через некоторое время начало холодать. Анечке в платье с открытыми плечами становилось холодно. Упустить такой момент нельзя. Накинув на неё кофту, я слегка приобнял за плечи и попробовал прижать к себе. Объект вожеления оказал сопротивление, но не ожесточённое. Просто не прижалась в ответ.

– Ань, а почему ты не танцуешь вальс? – решил спросить я, дабы разобраться в причинах неприязни ко мне Бардина. Не то, чтобы мне было жуть как интересно, но не хотелось бы иметь врага. Надо ведь ещё экзамены сдать и на выпускном погулять. А потом начну заново покорять небо!

– Не умею я. Да и не нужно мне это. Классная наша Галю Капустину поставила с тобой танцевать. А Бардин с ней вроде как встречаться хотел. Мне кажется, он это из корыстных побуждений.

– И какие же они могут быть, эти побуждения?

– У тебя и, правда, немного память... ну того..., – застеснялась Аня договаривать.

– Отшибло, отшибло. Не обижаюсь я.

– Так вот. Это же Галя Капустина. Она многим нравится. Говорят, она распушенная стала. Домой к себе парней водит или они сами приходят.

Хотел бы посмотреть на эту Капустину, что же так затягивает к ней домой парней.

– Родичек, привет! – услышал я девичий голос и повернул голову влево.

Даже не нужно было гадать! Память сама обрисовала мне портрет Гали Капустиной. Вот что, а её он хорошо запомнил!

Неловко повернув голову, мой нос оказался в непосредственной близости от главного достоинства этой девушки – натуральной груди четвёртого размера. Может, и пятого, но надо проверять.

Сама Галя была девушкой с картинки в модном журнале. Яркий, красный маникюр на руках. Голубые глаза подведены тенями, подчёркивая игривость характера. Золотистые волосы с чёрным ободком, красное платье с открытыми плечами, повторяющее изгибы идеального тела и сочных бёдер. Плюс к этому длина юбки на грани фола. В будущем будут и короче носить.

– Доброго вечера, Галина, – сказал я, пытаюсь не залить слюнями асфальт.

– Как твоя голова? Не сильно ударился? – поинтересовалась она моим здоровьем и присела между нами. Кажется, она была заинтересована в моём обществе.

Её компания из нескольких человек была одета под статью. Деньги в семьях этих ребят однозначно водились.

– Всё у него хорошо, Галя, – произнесла Аня, выглядывая со своего места.

– Ой, эт хорошо. А я ж переживаю, переживаю..., – запричитала Галя. Открыла свою сумочку и принялась поправлять

причёску, которая и так была в порядке. Всем видом показывает своё благосостояние.

– Так переживала, что в школе отсутствовала, – съехидничала Аня.

– Нездоровилось, Краснова. Ой как нездоровилось. Отпросили меня. Сейчас всё хорошо. Может, с нами пойдёте? Мы на танцы в «Клетку», – спросила Галя, картинно положив ногу на ногу.

Манёвр имени молодой Шерон Стоун исполнен в лучших традициях классики. Проходящие мимо парни стали притормаживать, дабы не упустить ни единой детали. Галя аккуратно стала водить своими ноготками по моей правой ноге. Конечно, я не мог не среагировать. Я ж мужик!

Голову, конечно, не затуманил сладостный запах дорого парфюма и внешние проявления внимания ко мне со стороны «леди ин ред». Но физиологические потребности стали о себе напоминать.

– Галя, я пришёл! Ты чего здесь делаешь? – возник из ниоткуда Костя, в футболке на размер меньше своего, чтобы казаться более накачанным. Сразу видно, что перед выходом сделал несколько подходов на турнике, добавив объёмчик мышцам. Понторез!

– Я поражена, Костик. Ты меня контролируешь? – спросила с укором Галя, которой не понравились претензии со стороны ухажёра.

– Нет... ну просто ищу тебя. Пойдём? – замешкался Ко-

стя, протягивая руку своей даме. Галя, видимо, крепко держит его в узде своими... прелестями.

– Ну вы, если что, приходите. Будем ждать, правда, Костюш? – сказала Капустина и встала со скамейки, не преминув сделать лёгкое касание известного всем нескромного места.

– Ждите, ждите. Хорошего вечера, – сказала Аня, бросила гневный взгляд на Галю и придвинулась поближе ко мне.

Костя, уходя, пригрозил мне расправой, проведя большим пальцем по горлу. Я ещё несколько секунд смотрел вслед уходящей компашке, естественно, сосредоточив свой взгляд на Галиной попе. Вот все девушки на каблуках добавляют себе плюс сто к обольщению!

– Вертихвостка! Родители торгоши, вот и выламывается. Никаких заветов партии и комсомола не соблюдает, правда? – сказала Аня, поправив греющую её кофту. – Ты чего молчишь?

Если родители Капустиной работники в сфере торговли, то это многое объясняет. Эти ребята обладали большими связями и имели доступ к самому сокровенному в Союзе – к дефицитным товарам. Начиная от бытовой техники и заканчивая трусами, у этих воротил всё было по высшему разряду. А кто не хочет себе красивых шмоток и вкусной еды? Вот и дружбу с ними водили все, начиная от милиции и заканчивая партийными работниками. В общем, элита!

– Не-а... ничего. Ужас просто! Как таких земля носит!

Сталина на неё не хватает, – воскликнул я, дабы быть на одной волне с Красновой.

И действительно, пройдёт лет десять и станет нормой одеваться, как Галя. Может, Аня к тому времени свою точку зрения поменяет. Ей-то самой нечего стесняться своей фигуры. Но сейчас так принято.

Вечер заканчивался. Я проводил до дома Аню и уже собирался было уйти, но просто так мне не дали этого сделать. Краснова продолжала поносить почём зря Капустину. Ревнует, видимо!

– И чего эта Галя вечно лезет. Ходит вокруг тебя постоянно. Нельзя так в нашем комсомольском обществе!

Я решил, что надо девушке объяснить всю проблему простым языком. А то ещё комплекс себе оставит на всю жизнь, что она некрасивая и зря не была такой открытой все эти годы. Я напряг память и попытался сформулировать фразу так, чтобы это было понятно молодой девушке.

– Аня, чё ты так взъелась? Ну симпатная она, и чего? Давай на изи. Все же хотят с торгашами френдиться, – сказал я, поправляя на её плечах олимпийку. – Шмотье им нужно, приколюхи всякие для дома, девайсы из-за кордона.

Возникла немая пауза, во время которой понял, что переборщил со слэнгом. Попутал временные ориентиры, ты Серёга! Краснова вряд ли поняла, что я имел ввиду.

– А что это ты сказал сейчас? – поинтересовалась Аня.

И как вот ей сейчас переводить? Можно сослаться на

больную голову и плохое самочувствие, но до каких пор буду на этом выезжать. Тогда стоит перейти к плану Ц.

Я сделал к ней шаг, тихонько обняв за талию. Рост позволял мне не тянуться к её губам. Поцелуй получился нежным. Аня, не ожидая подобного хода, совершенно растерялась и не пыталась оттолкнуть меня. Я собирался отделаться небольшим прикосновением, но слишком сладкими были её губы после съеденного пару минут назад пломбира.

– И зачем ты... ты сейчас... сделал..., – растерянная Краснова не могла связать слов.

На её лице была паника, будто мы чем-то более энергозатратным занимались. И теперь её жизнь никогда не будет как прежде. Эх, Анята! То ли ещё будет! Может, не со мной, конечно.

– Чтобы ты знала, что в тебя тоже могут вкраситься, – ответил я, убрав руки с её талии.

– Не понимаю, что ты сказал, но... мне пора. Спокойной ночи!

Краснова рванула к подъезду и скрылась за деревянными дверьми. Я ещё немного постоял, смотря себе под ноги, и побрёл к своему дому.

Ну что ж ты, Сергей Сергеевич? На молоденьких потянуло тебя! Сейчас задумишь девчонке голову и свалишь в Белогорское училище. Она, может, виды на тебя имеет, а ты кроме своих самолётов ничего и не ценишь.

Служба у тебя всегда была на первом месте. Вот и не же-

нился ты к своим годам. Беспорядочные короткие связи и переполненный «чёрный список» в соцсетях и телефоне. И ведь были же хорошие девушки! С некоторыми ты имел более длительные отношения. Но замуж за тебя не хотят, а как донор ты хорош! Замечательный генофонд!

Не получилось в той жизни семью построить, и в этой не надо и пытаться. А то ещё нарушу пространственно-временной кан...конт... короче, вот именно его!

За всеми размышлениями не заметил, как оказался в своей квартире. На кухне горел свет. Бабушка, наверняка, ждёт и волнуется. Мой предшественник почти не гулял допоздна, а тут сразу в полночь пришёл!

– Серёга, как погулял? – послышался голос деда Вовы с кухни. – Ооо, а кофточка пригодилась! – усмехнулся он, намекая на отсутствие олимпийки.

И правда, забыл на плечах Ани. Небось спать в ней будет после нашего сегодняшнего прощания.

А дед был слегка выпившим. Я перебрал в голове праздники и исторические события и не мог связать хоть с чем-то. На столе бутылка водки с зелёной этикеткой, нарезанное сало, чёрный хлебушек и...

– Дед, это ж икра чёрная! – воскликнул я, заведя большую глубокую тарелку со вставленной столовой ложкой. В голове прикинул, что по объёму здесь на пару десятков тысяч рублей российскими. – И откуда такое богатство?

– Сегодня же на рыбалку ходил утром, – ответил дед и

открыл холодильник за спиной. – Наложить?

На нижней полке стояли четыре банки объёмом по два литра каждая, наполненные доверху чёрным деликатесом и одна начатая. Вот вам и Союз! В современной России бы деда могли закрыть на несколько лет за такую «рыбалку».

– Не-а. Что-то случилось, дед Вов? – спросил я, присаживаясь за стол. Покопавшись в памяти, нашёл несколько подобных моментов. Ну выпивал иногда, но не отражалось это на семье.

– Так каждый год с тобой сидим в этот день и вспоминаем родителей твоих. А сегодня ты забыл, видать.

И правда. Перед глазами промелькнули предыдущие года Родина, когда они с дедом всегда садились двадцать второго мая вспомнить о его умерших родителях.

Отец погиб на учениях на Дальнем Востоке, а мама тяжело заболела и умерла. Она тоже часто ездила туда с командировками. Что примечательно, умерли родители в один и тот же день – двадцать второго мая – с разницей в год.

– Дед, ну так головой ударился. Совсем забыл, – пытался я оправдаться.

Вот девичьи лица хорошо всплывают в памяти реципиента. А о родителях и не напомнил. Смотрю на деда Вову и как-то на душе беспокойно. Может, ещё что случилось?

– Мать хотела, чтоб ты как Серега был. В лётное пошёл. Я обещал. Клялся, а оно... – сказал дед и трижды приложился по столу своим мощным кулаком.

Он встал с табурета и пошёл в комнату. Вернулся с письмом из комсомола.

– Оно открыто, дед Вов. Что там? – спросил я.

– Тебе поставили в вину повреждение и последующую утрату социалистической собственности. Ты понимаешь, что это значит?

А быстро работает система оповещения!

Если честно, не понимаю, как за один день можно столько всего себе на задницу нажать.

Сначала воскрес в непонятном месте, но в понятное время. Ничего страшного, спасибо что живой, как говорится.

Потом оказалось, что имеются несколько ребят, жаждущих мне накостылять при любом удобном случае. Причина банальна – в партнёры «красной королеве» Капустиной по вальсу на выпускной выбрали не Костю Бардина, а меня. И теперь ему не перепадёт, как он думает, покувыркаться с Галей. И это тоже не самое плохое, что могло случиться со мной.

Отказ на авиационной технике? Нет, не слышали. Пускай виноват будет Родин. И чёрт с ним, что он там чуть не погиб. Утратил социалистическую собственность! Ладно, и это терпимо.

И вот апогей всех событий. Когда я уже смирился со своим положением, дал отпор обидчикам, разобрался в отказе и решил продолжить жить по намеченному (не мной, кстати) сценарию, вон из комсомола. И дед теперь места себе не на-

ходит. Не жалеет жизнь стариков Родиных!

– Я так полагаю, с поступлением теперь у меня проблемы, – сказал я, пока дед выпивал очередную рюмку.

– Это одно из последствий, Серёжка. Курин приходил. Мы ж с ним с берегов Волги немца гнали. В одной разведроте воевали. Он бы тебя никогда не оставил в беде.

– А что он сказал насчёт комиссии? Должна была приехать, но нескоро.

– Приехала сегодня днём. Там главный полковник молодой какой-то. Злой был, что его отправили разобраться по этому делу. Всё ему понятно. Я не разбираюсь в авиации, но они акт сразу составили и в Главный ДОСААФ отправили.

– А с меня показания? Что это за расследование! – воскликнул я.

Не то, чтобы меня это всё волновало. Характеристика из аэроклуба – дело хорошее, но не самое главное. Без неё шансы ещё есть. Не получилось бы сейчас поступить, пробовал дальше куда-нибудь. На срочку бы пошёл. Может, в гражданскую авиацию попробовал.

А вот если попрут из комсомола – тут будет везде знак «Стоп»: в престижный ВУЗ вряд ли возьмут, про лётное училище тоже можно забыть, а на срочную службу отправят в стройбат какой-нибудь. И на два года! Понятно, почему дед в печали.

Жаль старика и не виноват ведь совсем. Если память моего предшественника не врёт (а это именно так), то дедушка и

бабушка очень хорошо внука воспитывали. Худосочный он, конечно, но в учёбе просто дока! Я ж чувствую, что мне база данных от него хорошая досталась.

Надо что-то делать. В письме сказано, что судьбу мою в комсомоле решат после экзаменов. Приняли во внимание, что дед фронтовик и бабушка труженица тыла. То есть, что парень всю свою недолгую жизнь был на хорошем счету, даже не рассматривают?

Для начала надо поспать. Что мы с дедом и решили сделать.

Глава 6

Первая мысль утром – куда делся мой телефон? Наверное, сообщений и звонков куча пропущенных. Однако быстро вернулся в Советскую реальность. Вспомнились события предыдущего дня и весь спектр задач, стоящих передо мной, а именно готовиться поступать. И начать надо с физической подготовки.

Перебрав немногочисленные винтажные шмотки, я остановил свой выбор на спортивном трико синего цвета и болотной футболке. Честно сказать, и не из чего было выбирать.

Утренняя пробежка сегодня должна была определить уровень моего расстройств этим телом. Руки худые, рёбра слегка выпирают, на животе ни капли жировой прослойки с едва заметными кубиками, на ногах мяса, как у воробья под коленом. Вот кроме как двух слов на букву «П» сказать мне нечего!

Придётся начать с бега трусцой. Вкатимся, лёгкие разрабатываем, мышцы привыкнут, и перейдём к увеличению нагрузки. Цель – стометровка за одиннадцать с небольшим секунд и трёхкилометровый забег быстрее двенадцати минут. Продышался, размялся и побежал к речке.

Район у нас заводской. Окна моей комнаты выходили как раз на консервный завод. У этого предприятия, чтобы оце-

нить весь его масштаб, даже была своя собственная речная флотилия.

В девяностые годы этот завод обанкротили и растащили, оставив развалины. А уже в нулевых страйкболисты бегали, ну и бомжики прятались. Сейчас же всё за забором шумит, пытит и работает. Вот так бы всегда!

К моему удивлению, тело прекрасно реагировало на нагрузку. Я чувствовал, что это не его темп. Прибавил сначала немного. Через десять минут ещё. А потом снова. И так целый час.

Кажется, мне ещё много нужно узнать о себе. Точнее, о Сергее Родине. Он полон сюрпризов! Час двадцать бега и ноги несильно забились. Темп был хороший – минуты по четыре на километр, если судить по моим наручным часам с надписью «Штурманские».

Вообще, в семидесятые такую модель нельзя было купить. Её выдавали выпускникам лётных училищ и уже действующим лётчикам и штурманам. Откуда такой аксессуар у Родина, можно только догадываться. Видимо, наследие отца.

Вернувшись во двор, направился к турнику. Раз с бегом хорошо, может, и с подтягиваниями будет не хуже. Потянулся после бега, размял руки, плечи и запрыгнул. И раз...

И на счёте четыре, силы покинули сушёного Геракла, то есть меня. Грустно, прямо скажем. Но силу нарастить не проблема. Быстрее чем выносливость и скорость. Будем работать над собой.

– Серёжка, доброе утро! – крикнул мне мужчина с сигаретой из окна первого этажа. И как же я не узнал – дядя Петя!

– Здоров, дядь Петь!

– Не забыл, сегодня машина придёт. Как договаривались? Или забыл за своим бегом и экзаменами.

Эх, я этого просто не знал, чтобы забывать! Дядя Петя был нашим соседом всю мою жизнь во Владимирске. И неужели он и раньше жил здесь вместе со своей супругой тётёй Зиной? Хорошие соседи, настоящие, я бы сказал. И помогут, и подскажут, и отмажут!

– Ну ты чего? Забыл видать, – с укором смотрел на меня дядя Петя, когда я зашёл к нему уточнить по нашему договору. Он стоял в майке-алкашке и серых трусах-парашютах. Крепкий мужик, нос картошкой, выпирающий вперёд подбородок и светлые волосы без единой седой пряди.

– Головой же ударился. Отшибло память немного, – сказал я. Если честно, то надоедает обращать внимание каждого на мои проблемы с головой. Так и жду, когда кто-нибудь да скажет, мол, иди лечись тогда!

– Ну ладно, – отмахнулся мой сосед. – Ты это...

– Петь, ну ты где там? Я ж жажд..., – услышался женский голос, и из-за спины показалась тётя Зина в бордовом халатике с глубоким вырезом. Она, оказывается, была ничего себе в своё время! Красивое декольте и симпатичные ножки. И это в не самом молодом возрасте. – Привет, Серёжа! Как здоровье?

– Да нормально, мать, у него всё. Ты давай, постель... эээ, чайник погрей! – указал дядь Петя, развернул тётю Зину и подтолкнул вперёд, хлопнув по заднице.

– Я, может, помешал. Вы скажите, что нужно. На сотовый потом звякнуть можете? – спросил я, совсем забыв, что такого средства ещё лет тридцать у дяди Пети не появится.

– В бубен звякну сейчас, – улыбнулся он, пригрозив кулаком. – Мы с мамкой сегодня одни. Сына к родителям отправили в деревню. Сам понимаешь, долги жене надо отдавать. Ты, поди, уже присмотрел себе кого на пиджак укладывать будешь или пока...

– Дядь Петь, давай к делу. Чего там с машиной?

– Да, машина придёт в универмаг с соком в баллонах. Разгрузишь и пятак твой. Согласен? Я обещал директору, что в понедельник всё на складе будет.

Вспомнил, что соседи мои тоже, как и дед с бабушкой, на заводе трудились. Дядь Петя начальником транспортного цеха был. Видимо, небольшое содействие оказывал директору универмага в доставке его продукции. Нелегально, так сказать. А может, заводское начальство в курсе всего этого. Как бы, не моё щенячье это дело.

– Окей... то есть хорошо, дядь Петь.

Деньги молодому парню всегда нужны. Почему бы и не подзаработать? В это время возили не по десять-одиннадцать тонн, а намного меньше. ГАЗ-52-01 это не МАН. Туда максимум две тонны с половиной войдёт. Так что быстро всё

сделаю. Заодно и ручки подкачаю.

Есть хотелось ужасно. Подозреваю, что раньше это тело не подкармливали в достаточном количестве. Даже марафонцы едят как слоны, хотя и выглядят намного меньше их.

– Я чего-то сильно голоден, бабуль. Можно добавки? – попросил я за завтраком. Манка была очень вкусной, а с вареньем зашла просто на ура.

– Конечно, сынок! – обрадовалась бабушка, насыпав ещё один половник каши. – Дуй, а то горячее.

– Надо силы набрать. Поступать же скоро, а я на турнике, как сопля вишу.

Как и условились с соседом, к полудню подошёл к универ-магу номер восемь. И почему именно под таким номером, когда в городе в то время их было всего три?

Большое трёхэтажное здание с панорамными окнами, за которыми толпился народ у прилавков с различными товарами. Первый этаж отведён под всё, что можно съесть и выпить. Второй и третий были более популярными. Там торговали одеждой, бытовой техникой, игрушками и так далее. Очередь туда нередко начиналась с первого этажа.

Сегодня именно тот случай. Связано это всё с «выбросом» хороших вещей на прилавки. Конечно, особо приближённые своё уже ухватили, не приходя в магазин. Все остальные – в порядке живой очереди.

На заднем дворе меня ждал синего цвета ГАЗ-52. Упитанный водитель курил в сторонке «Приму» и почёсывал свой

выпуклый живот.

– Ты что ль, Серёжка? Начальник сказал, всю машину сам освоишь. Не надорвёшь поджилки свои? – усмехнулся пузач.

– Не-а. Я ж качаюсь, – сказал я, чем заставил водителя заржать ещё сильнее.

Работал размеренно, не торопясь. Нельзя сейчас надорвать себе что-нибудь. Иначе вся спортивная подготовка оборвётся в самом её начале.

Водитель оказался неплохим мужиком. Угостил яблоком, налил стаканчик берёзового сока, да и, вообще, поддерживал хорошее настроение. Неплохо, если бы помог, но это не его работа. Потом делись с ним, а деньжата самому нужны. Не всегда ж меня будут бабушка с дедом кормить.

На задний двор въехала белая «Волга» ГАЗ-24. Солидный аппарат для этого времени. Позже станет одной из самых массовых в семействе этих машин. Правая дверь открылась, и вальяжной походкой из машины вышел невысокого роста толстячок в белой рубашке, светлых штанах и серых ботинках. Лысую голову накрывала кепка, а в руках он крутил большую связку ключей.

– Езжай ко мне. А там, куда скажет, понял? – сказал лысый водителю. Тот кивнул и задом выехал со двора.

Мужик в белом посмотрел на пузатого водителя и поприветствовал его. Затем достал из кармана на груди красную пачку. По внешнему виду это «Мальборо». Закурив сигаретку, он предложил угоститься водителю. Курить в то время

эти сигареты было ой как накладно. В Союзе нигде не найдёшь, у фарцовщиков только или в магазине зарубежных товаров «Берёзка» и то, в столице, наверное. Ценник до пяти рублей за пачку доходил! В общем, мужчина в белом был при бабках однозначно.

Пока я продолжал свой поход за пятью рублями, они мило беседовали с водителем. Периодически лысый появлялся на виду. К нему постоянно приезжали какие-то люди, получая от него свёртки, пакеты или коробки. Полковник милиции, военные в офицерских погонах и многие другие. В презентабельном виде и манере поведения гостей угадывалась их принадлежность к серьёзным должностям партийного аппарата. Даже председатель районного комитета партии отметил своим присутствием.

– Вот и райком своё забрал, – сказал пузатый, провожая взглядом бежевые «Жигули» ВАЗ-2101.

– Райком? А что он тут делает? – спросил я у водителя.

– Ты головой не бился последнее время? – опять намекнули мне на состояние здоровья. – У Капустина все отовариваются. Щас дочка его ещё приедет.

И вправду, через полчаса я смог лицезреть Галю Капустину. Внешний вид более скромный, чем вчера вечером. Однако свои достоинства подчеркнуть не забыла. Лёгкое платье фиолетово-синего цвета, с открытыми плечами. Длина укорочена и открывает соблазнительные бёдра. Будь я моложе, не против бы заглянуть к ней. И кто только разрешает

Гале так одеваться?

Однако не те обстоятельства сейчас. Не до девушек! Тут грозят из комсомола погнать со всеми вытекающими, старики места не находят, переживают. А я о том, как, кого и куда затащить. К тому же, машина сама себя не разгрузит, а денежка не заработается.

–Серёжка, привет, дорогой! Подрабатываешь? – спросила Галя.

– Привет. Да, есть немного. Новое платье выгуливаешь? – спросил я.

– Да-а! Как понял? – усмехнулась Галя.

– Этикетка висит на спине, – соврал я.

– Где? И это я везде с ней хожу. Сними, пожалуйста!

Капустина подошла ко мне и повернулась спиной. Я прикоснулся к шее и немного отвернул край лямки, изобразив, что пытаюсь оторвать этикетку, которой там и не было.

«Спокойно, Родин, помни о поступлении», – мысленно, успокаивал я себя. Но Галя не давала мне расслабиться, прижавшись вплотную ко мне своими ягодицами.

«Держаться, Родин! Представь себе что-нибудь иное, чем упругие, нежные...», – повторял я сам себе, но физиологические потребности тела моего реципиента брали верх над разумом взрослого мужчины.

– Я так поняла, что этикетку ты уже оторвал, – сказала Галя, взглянув на меня через плечо. – Или что-то ещё привлекло твоё внимание?

– Просто тебе очень его не хватает. Внимания мужского, – сказал я, и Галя повернулась ко мне лицом. В её глазах читалось удивление сказанным, но это ей только нравилось.

– А ты можешь мне с этим помочь? – спросила она, подойдя вплотную. Её грудь слегка коснулась моей, а правая рука легла на живот и тихонько скользила вниз.

Краем глаза я видел, что водитель пристально следил за нашим разговором, выкуривая уже вторую сигарету.

– Я к вашим услугам, мадам. Чай, кофе или сразу к делу, без прелюдии?

– Родин, ты меня удивляешь. Не ожидала... Ой, папа, привет!

Ну вот, а так всё хорошо шло! И на тебе – папа! Галя застеменила к лысому директору, который светился от счастья, увидев дочь. Они о чём-то пошептались, и отец протянул Капустиной маленькую коробочку. Подарок привёл её в щенячий восторг.

– Серёжка, французские! У Нади такие были! – прыгала от счастья Галя.

Белая коробочка с неровной синей полосой. Я слегка сосредоточился и узнал, где я мог видеть и у какой Нади подобное. Героиня легендарной «Иронии судьбы...», которая вышла в этом году зимой, получила подобные в подарок на Новый год.

– Тебе подарили «Климат Ланком»? – спросил я, назвав духи на французский манер. Это ещё больше удивило Капу-

стину и заинтересовало её отца.

– А вы разбираетесь, молодой человек! – сказал он.

– Немного, да и просто прочитал быстро на коробке.

– Да? – удивился Капустин-старший и заговорил на ломаном французском. – Как вас зовут? Меня – Олег Эдуардович. Чем здесь занимаетесь?

Как мне показалось, он хотел показать этим превосходство над рабочим классом. Вроде – смотри, челядь, я французский знаю!

Так и быть, вызов принят!

– Сергей Сергеевич Родин, я одноклассник Гали. Подрабатываю на разгрузке, – поддержал я разговор на языке Де Голля.

Зря ты это, Серёга! Ой, зря! Не то время, чтобы выпендриваться. Сейчас набегут милиция, КГБ и остальные конторы. За шпиона примут, и поедешь даже не в стройбат, а на Лубянку. Знания языков следует держать при себе.

– Ого! А вы хорошо говорите на французском, молодой человек. Ну, общайтесь. Меня там секретарь обкома ждёт с дочерью. Хорошего дня, Сергей! – сказал он и пожал мне руку.

Только сейчас заметил, что Галя загадочно на меня смотрит. Видимо, много очков симпатии я себе заработал.

– Родичек, мне пора. Завтра про вальс не забудь, – сказала она, погладила меня по щеке и упорхнула в машину.

Рабочий темп мне сильно сбили эти Капустины, но ниче-

го не поделаешь. Даму без внимания оставлять нельзя. Тем более папа какой серьёзный... Ну конечно!

Пожалуй, есть возможность сыграть в эдакого «альфонса». Не хотелось бы, но и деда с бабушкой нельзя бросать в беде. План не сложный, потеря репутации будет минимальная.

Заводим отношения с Галей. Благо, мотылёк этот сам летит на огонёк. Втираемся к Олегу Эдуардовичу в доверие. Как бы невзначай говорим о проблеме и ждём предложение о помощи. Сам Родин парень здоровый, кроме происхождения с Як-18 других «косяков» не имеет. Учёба на высоте, семья пролетарская. Вариант вполне себе реальный. Далеко бы не зайти только в этих отношениях. Хотя, Галя не из тех, кто останавливает свой выбор на ком-то одном.

– Закончил. И не холодно, как говорил Маэстро! – сказал я водителю, присаживаясь с ним рядом на ступеньку перед складом.

– Смотрю ты орёл, Серёжка! Дочка Капустина к тебе и так и этак. Вроде хорошая девчонка. И партия выгодная, – сказал он, доставая новую пачку «Примы».

– В каком смысле?

– Ну ты чего? Капустины – фамилия известная в городе. Эдуардыч со всеми контактирует. Тебя куда надо пристроит. Проблемы решит.

– Ну, она девчонка хорошая. Я просто поступать в лётное собрался...

– И сдалось тебе это лётное! Ты не дури, а девчонку обхаживай. Я на этом деле собаку съел, малец. Со всеми своими четырьмя жёнами отношения нормальные строил. Будешь? – протянул он мне открытую пачку сигарет.

– Спасибо, не курю.

М-да, так себе опыт у мужика.

Время близилось к вечеру. Уличные ларьки сворачивали свою работу, а на смену им приходили выездные раздатчики молока. Кричащих женщин на всю улицу «Ма-ла-кооо» я сам застал, будучи маленьким. Приезжает цистерна с белым товаром и разливает по бидонам. Здесь он стоит двадцать копеек за литр. Главное – донести до дома.

Мой путь как раз пролегал через двор, где жила Аня. Не люблю всю подобную сентиментальность, но отчего-то не мог не взглянуть на её подъезд. Наверное, потому, что завтра физкультура, а у меня олимпийки нет. Я уже прошёл сталинку Красновой, как услышал грохот и детский плач.

Пацанёнок, видать, споткнулся и полетел носом вперёд. Молоко разлилось, а жёлтый бидон лежал в стороне. Мимо такой беды проходить нельзя.

– Здорово, брат! Чем помочь? – спросил я у парня.

– Так я не брат вам. У меня сестра только, – ответил он. Лицо мне показалось знакомым. Светловолосый малец продолжал хныкать и утирать глаза. Его зелёная футболка окрасилась в белые полосы от молочных брызг.

– Давай помогу...

– И как? Мамка заругает. Я уже третий раз за сегодня падаю...

– С удачей парень у тебя так себе. Пошли, куплю я тебе молока.

Отстояв большую очередь, наконец, смогли получить желаемый продукт. Продавщица немного повздыхала над очередным возвращением «профессионального молоконоса» и налила три литра в эмалированную ёмкость.

Проводил я пацана прям до подъезда. Оказалось, что живёт в том же доме, где и Аня. Может, соседи. Парень поблагодарил за спасение от нагоняя и скользнул за деревянные двери.

Начинало уже темнеть, а завтра рано вставать на пробежку и в школу нельзя опаздывать. Лишние нарушения сейчас ни к чему. Но просто так этот день закончиться не мог. Когда проходил мимо калитки детского сада, меня позвал знакомый голос.

– Серёжа, – слышался девичий голос из беседки. К забору подошла Аня, державшая в руках мою синюю олимпийку.

– Привет, – сказал я и перемахнул через ограду. – Что-то случилось? – спросил я.

Странно, что поджидает Аня в таком месте. Мне вспомнилось, что вчера слегка сократил дистанцию, поцеловав её. Не думал, что это так зацепит девочку.

– Да ничего. Кофту тебе принесла,– сказала она и протянула мне олимпийку.

Аня нервно посмотрела по сторонам, будто боялась спать перед кем-то.

– Ты чего? – спросил я и потянулся за кофтой, но пропустил выпад со стороны Красновой.

Глядя мне в глаза, она медленно прикоснулась к моим щекам своими руками и нежно поцеловала.

Во даёт! Где-то в голове щёлкнуло, что передо мной так-то объект обожания, и я полностью доверился инстинктам Родина.

Не растерялся! Руками обхватил её за талию, прижав к себе. Но не тут-то было!

Анюта сама развернула меня и усадила на скамейку без сидки. Вмиг запрыгнула на меня и продолжила свой страстный поцелуй. Одна рука сама собой потянулась под низ её платья, а другая медленно стала спускать лямку.

Но и это ещё не всё. Анечка сама сняла вторую лямку. Я на секунду оторвался от поцелуя. В свете фонарного столба мне открылся красивый вид на её упругую грудь, пускай и в нижнем белье. Однако, Аня не остановилась и вновь вцепилась в мои губы.

Обожаю эту новую жизнь!

Глава 7

Руки Анечки скользнули мне под футболку. Будь у неё длинные ногти, исцарапала бы всего. Вот не ожидал от девчонки такого!

– И нравится тебе... такое... Серёжа? – запыхаясь, шепнула она мне на ухо.

– Ещё бы! – ответил я и потянулся к её губам.

– А вот мне нет! – резко воскликнула она и соскочила с меня, поправляя платье.

– Эээ, а вот сейчас не понял, Ань, – недоумевал я, поправляя футболку и брюки. Вставать сейчас было неудобно. Кое-где и кое-что мешало своим размером.

– И что ты не понял? Машину сегодня разгружал? – спросила она.

– Было такое...

– Капустина там была?

– Ну и такое было..., – вновь ответил я, но она не дала мне опомниться.

Вот это поворот! Ещё не женаты и даже ни в каких отношениях ни состоим, а уже контролирует меня.

– Трогала она тебя? А ты её? – не унималась Аня. И откуда она это всё видела? Или кто сказал?

– Не то чтобы прям трогала... а в чём суть претензий? — перешёл уже я в наступление. И правда – вроде ж никому и

ничего не обещал, а тут допрос с пристрастием.

– Значит так, Родин! Если твои намерения ко мне серьёзные, с Капустиной чтоб рядом не появлялся, – сказала Аня, сложив руки на груди. – Иначе... забудь меня. Спокойной ночи!

С последними словами Краснова выскочила из беседки по направлению к калитке.

– А вальс? Мне ж с ней вальс танцевать...

– На общественные мероприятия это не распространяется!

– Ань, ну подожди! – попробовал я остановить её, но она не остановилась. – Спокойной ночи, чего уж там.

Уснёшь тут теперь. Два реальных варианта было сегодня и ни в одном ставка не прошла.

Уже шла третья неделя, как я попал в этот мир.

Как бы мой предшественник ни был без ума от Красновой, шанс на спасение от вылета из комсомола был только через отца Гали.

Готовиться к поступлению я продолжал постоянно. Пришлось составить себе план подготовки, в который я включил все аспекты, необходимые абитуриенту.

Утро начиналось с небольшой пробежки и силовой – отжимания, приседания, пресс. Далее была школа и всё, что с ней связано. Комсомольские мероприятия, тематические вечера, кружки, пионеров своди туда-сюда.

Я согласен с тем, что это всё дисциплинирует и воспитывает. С молодёжью надо работать плотно. В неё надо вкладываться, поскольку это будущее. Если честно, жаль, что мне не довелось в своей прошлой жизни пройтись в одном строю с октябрятами, пионерами и комсомольцами.

После школы снова на спортивную площадку, «гнуть» турник, так сказать. Сил к вечеру оставалось немного, но окончание школы даст времени больше на отдых и штудирование наук. В течение двух недель я практически не выходил гулять. Все силы на поступление!

Однако, расслабиться тоже иногда не мешает. Есть же телек! Но канал всего один и программа передач на любителя. Попробовал как-то настроить антенну и поймал ещё один канал. Так себе в Союзе была сетка вещания. Пришлось довольствоваться программой «Время». Пару раз выпало увидеть «Вечный зов».

Чтобы не забыть языки, взял себе в библиотеке учебники и книжки. Помню лицо бабы Нади, когда она заходит в ванную, а Серёжа перед зеркалом по памяти рассказывает монолог Гамлета в оригинале. Это надо было видеть!

Дед несколько раз звал на рыбалку сходить после работы, но я в отказ иду. Не моё это!

Червей накопай, блесны пособирай, леску, если запуталась, размотай. Сидишь по несколько часов, чтоб пару килограммов рыбки наловить. А потом почистить её надо! Короче, так себе удовольствие. Может, дед Вова и с динамитом

ловит, но я сомневаюсь. Даже в этот период это было ой как противозаконно!

Успехи были. Сдал немецкий язык без особого труда. Комиссия сначала даже засомневалась, что я только в школе его учил. Пришлось в процессе экзамена немного акцент добавлять при ответах.

В прошлой жизни по роду своей работы это было необходимо. Заграничные спецоперации были нередкостью. Там без языка никуда.

С историей и физикой проблем не возникло. Когда готовился, просто сосредотачивался на памяти предшественника. Много знал, оказывается! Ну и остальные дисциплины без труда дались.

Физическая форма улучшилась. Подтягивания довёл до двенадцати раз за этот период и мясом начал обрастать. «Склепку» и полный силовой комплекс на турнике освоил. А ещё я открыл для этого тела новую способность – плавание. Мои знания правильной техники и немного тренировок в открытом бассейне дали результат очень быстро. Когда поступлю, запишусь в сборную училища по плаванию.

К музыке начинаю привыкать. Пару раз пытался напеть что-то из песен будущего, но такие тексты не нашли понимания у бабушки.

– Это кто такие песни поёт, Серёжа? Каким пьяным подвигаться?– возмущалась она, когда я пел в душе «Пустите меня на танцпол».

Как-то запел про «Солнце Монако», так еле отмазался от успокоительного от бабушки. Пока не готова местная публика к таким песням.

Что касается девушек, тут всё не так однозначно. Вроде не нужны мне эти отношения с Аней, но и память предшественника не даёт покоя. Влюблён он был в неё сильно.

Галочка эта, ещё не отстаёт. Каждый раз на занятиях вальса так и норовит то за задницу меня ухватить, то руку мою опустит на ягодицу, то в щеку поцелует незаметно. Дикая женщина! И чего она в нём... то есть во мне нашла?

Вон Бардин – и красавец, и обеспеченный, и от неё без ума. Я, конечно, не против мимолётной половой связи. Пару раз, как говорится, «не плохой человек». Но чересчур!

Олег Леонидович вряд ли станет помогать тому, кто развлекался с его дочкой. И ведь не замечает, как она одевается! Сама же просит, чтобы её от... отнаказали.

– Серёжик, а ты обещал, что уделишь мне внимание. Когда собираешься? – спросила Галя после очередных занятий вальсом.

– Я вроде тебя всегда замечаю. Ты вон какая няшная, – ответил я, употребив незнакомое ей слово.

– Ой, не знаю, что это значит. Ты лучше иностранные языки знаешь. У меня папа с мамой на днях отъедут на пару дней. Жди приглашение!

– Галя, а если у меня не получится? Я сейчас занят, поступать скоро...

– Эх, Серёжка! – вздохнула Капустина. – Не расстраивай меня.

М-да, а ведь тело требует женской ласки уже! Я вроде и не против разок в гости зайти на чай с десертом! Потом же будет второй, третий и так далее. Затем слезы, что не может она без тебя.

– Кстати, папа про тебя интересовался. Мол, как мы общаемся, близко ли? Он хорошего о тебе мнения... пока, во всяком случае, – сказала Галя и упорхнула по своим делам.

Характеристику с аэроклуба мне сделали. Курин смог договориться, чтобы её закрыли задним числом до даты вступления акта о происшествии в силу. Георгий Сергеевич извинялся перед дедом Вовой, что не смог переубедить комиссию.

– Этот полковник Крутов – дикорастущий. Почти все звания досрочно получал. Сейчас начальником какого-то училища лётного назначен. Вот и наработывает себе славу принципиального, – сказал Курин, когда приходил к нам.

Будем считать, что здесь мне повезло. Однако комсомольская характеристика повыше ценится.

В один из дней снова подвернулась подработка в универмаге по разгрузке грузовика. Привезли фрукты и овощи. Оплата: три рубля и две бутылки «Колокольчика» – меньше, чем в прошлый раз, но дядя Петя попросил.

Зачем мне, правда, лимонад, не представляю. Дядя рассказывал, что его выпускали небольшими партиями, от того

и редко купить можно было.

Когда я заканчивал работу, неожиданно появился мой сосед с Олегом Леонидовичем. Только сейчас я вспомнил, как он говорил, что знаком с директором универмага. Вот как же раньше не догадался поспрашивать по своим! Сердце слегка застучало от волнения, что сейчас мне могут помочь. А значит, и не придётся охмурять Галю.

– Леонидыч, помнишь, про него тебе говорил? – сказал дядь Петя. Мой сосед сегодня одет в заводской рабочий костюм и серую клетчатую кепку. Олег Леонидович, как и всегда, в белом.

– Ага, знаю этого паренька. Как дела? – спросил Капустин-старший у меня в очередной раз на французском, пожимая руку. Отказывать ему в удовольствии пообщаться на языке Бонапарта нельзя.

– Нормально, Олег Леонидович. Снова работаем, – подыграл я ему в том же ключе.

– Видал, как могёт! Слушай, тут проблема у парня с комсомолом...

Дядь Петя объяснил суть вопроса. Наверное, дед попросил или просто сосед сам услышал от кого. У подъезда бабушки о многом шепчутся.

– Да не вопрос. Я сейчас на пару дней отъеду с супругой. Как приеду, Петь, ты мне сразу скажи или домой позвони, Галочка запишет и передаст.

Если честно, ещё никогда так не везло. В той жизни так

точно. Похоже, что роль «альфонса» можно не играть!

Прошли эти два дня. Вроде всё устаканилось. Дядь Петя сказал, что позвонил и напомнил. Старики немного повеселели. Баб Надя даже всплакнула немного. Переживает, родня! Ну а сосед и дед Вова решили это дело отметить, взяв пару бутылочек «Столичной».

И тут, как гром среди ясного неба. Комсомольское собрание! На повестке дня мой вопрос – быть или не быть в комсомоле. Аня, когда узнала об этом, распереживалась сильно. Всю дорогу успокаивала и пыталась поддержать.

– Ты только не нервничай. У тебя хорошая репутация. До этого проблем с тобой не было...

– Аня, ты, по-моему, больше меня переживаешь. Живы будем – не помрём!

– Ну как же так? И почему эта комиссия не разобралась полностью, а сразу назначили тебя виновным? – не успокаивалась она.

Как ей объяснить, что это проще всего, вынести вердикт – ошибка пилотирования неопытным обучаемым.

Неисправность самолёта может привести к доскональной проверке всего аэроклуба. Как обслуживают технику, количество бензина, есть ли ошибки в организации учебного процесса, порядка почему нет на закреплённой территории, ну и так далее. А так, пацан виноват! Хорошо, что живой остался. И репутация школы ДОСААФ в порядке.

Собрание комсомольской организации проходило в актовом зале школы. Стройные ряды деревянных кресел вместили много человек. В основном это ученики старших классов и молодые учителя.

Стены зала украшены мозаиками и изображениями рабочих и колхозниц, военных и врачей, Маркса и Энгельса. Над сценой – огромный значок ВЛКСМ с изображением Ленина и транспарант «Наш долг – учиться отлично!».

Главные действующие лица – члены комитета – заседали за столом на сцене. Среди них была и завуч Вилора Брониславовна. Она же секретарь комсомольской организации. Ух сейчас, чувствую, выслушаю! Вспомнит мне перепалки с Бардиным.

Он, кстати тоже там. На афише заседания прочитал, что будет докладчиком по моему делу.

На трибуну поднялся учитель алгебры и геометрии.

– Тихо, товарищи! Прошу вас садиться! – произнёс Григорий Павлович, одетый в строгий серый костюм. – Бардин, где порядок на столе?

ГПС даже на комсомольском собрании себе соответствует, указывая на разбросанные бумаги за его рабочим местом.

– Много вопросов сегодня, Григорий Павлович. Сейчас всё разложим по порядку, – затараторил Костя.

Я сидел в первом ряду и несколько раз уже столкнулся взглядом с ним. Чувствовалось, что он доволен таким положением. Сейчас ведь будет моя судьба решаться.

– Товарищи! Для многих из вас это одно из последних собраний в стенах нашей школы. Оглашаю повестку заседания...

Интересное, конечно, мероприятие! Обсуждают, выступают, решают и всё это дело коллегиально. Да, комсомольский актив имеет большой вес, но ведь каждый тянет руку за себя при голосовании. Разве не демократия?

После обсуждения показателей успеваемости, вопросов шефства над пионерами, порицания девушки по фамилии Пёрышкина за ненадлежащую длину юбки, пришла моя очередь.

– Обсуждается дело комсомольца Родина Сергея Сергеевича по факту повреждения и последующей утраты социалистической собственности, – огласил на весь зал ГПС. – Попрошу отметить это в протоколе. И где порядок на столе, Сокина? – сделал он замечание девушке, сидевшей за отдельным столиком позади трибуны.

– Приглашается комсомолец Бардин с докладом по этому делу, – объявила Вилора Брониславовна. – Попрошу всех отнестись серьёзно.

Аня, сидевшая рядом, вцепилась в мою руку, что не осталось незамеченным со стороны завуча. Но Краснова продолжала сжимать моё предплечье. Чувствовалось, что её пальцы немного дрожат. Ну точно, больше меня переживает!

Костя встал за трибуну вместо ГПС и начал выступление. Сначала были дежурные фразы, о том, как это всё плохо что-

то ломать. Воззвания к сознательности собравшихся, что так нельзя делать. Ну и минут через пять он только перешёл к сути вопроса.

– Зачитываю выписку из акта комиссии по расследованию авиационного происшествия. 21 мая 1976 года... – начал он читать.

Акт состоял из множества пунктов, описывающих обстоятельства произошедшего, ход событий и результат. Ну и в конце самое интересное.

– Причина авиационного происшествия – ошибка техники пилотирования Родиным С.С. Это стало возможным вследствие личной недисциплинированности обучаемого, отсутствию должных знаний в обращении с техникой и невыполнении команд руководителя полётами... – продолжил Бардин под гулкие обсуждения собравшихся. Неужели они чего-то другого ждали?

– К порядку, товарищи! – повысила голос Вилора Брониславовна, стукнув пару раз по настольному звонку. – Ваше мнение, товарищ Бардин?

Костя ехидно взглянул в мою сторону. Сейчас от него зависел дальнейший процесс обсуждения. Скажи он, что Родину надо шанс дать, парень неплохой, исправится, дело по-другому бы пошло, а так...

– Предлагаю вынести на итоговое собрание вопрос об исключении комсомольца Родина Сергея из наших рядов. Не было ещё таких проступков в наших рядах! И больше быть

не должно!

В зале слышались отдельные возгласы в поддержку сказанного Бардиным. Отдельные присутствующие кричали, что надо прямо сейчас исключить, чтобы в рядах выпускников не было злостных преступников. Что за чушь? Даже если бы я был действительно виноват, почему все забывают, что это первый проступок Родина.

– Разрешите мне выступить? – вскочила со своего места Аня.

– К порядку! – снова повысила голос завуч. – Говорите с места, Краснова.

– Товарищи, ну что мы взъелись на человека? Он столько лет идёт к своей мечте – стать лётчиком. Ни одного замечания за время учёбы! Везде в передовиках! Зачем же ломать судьбу? Сами знаете, что без нашей характеристики ему не попасть в училище...

– А вы ещё предлагаете доверить ему сложные реактивные самолёты? Он с поршневым не совладал! – не унимался Костя на трибуне.

– У вас, товарищ Бардин, с ним личные счёты. Вот вы и стараетесь насолить ему...

– Товарищ Краснова! – громогласно произнесла Вилора Брониславовна, встав со своего места. В зале затихло в ту же секунду. – От вас слышать подобные обвинения очень странно. Вам необходимо соответствовать своему статусу и своей фамилии. Присядьте!

Аня подчинилась и села на своё место, слегка отодвинувшись от меня. Интересно, какому статусу она должна соответствовать? Ну-с, товарищи, так дело не пойдёт!

– Может я, наконец, выскажусь? – поднял я руку и встал с места. Из-за спины слышались разного рода предложения от «сядь на место» до «а давайте».

– А что его слушать, товарищи? Он себя дискредитировал последними своими поступками..., – не унимался Костя, но его одёрнул ГСП.

– К порядку на столе... то есть в зале! Каждый имеет право говорить. И Родин тоже.

Математик удостоился злостного взгляда от завуча. Видимо, она хотела сама что-то сказать, но Григорий Павлович её опередил.

– Я возьму слово, Григорий Павлович, – сказала завуч и встала со своего места. – В деле Родина всё предельно ясно. Сначала драки с одноклассниками, затем неподобающее поведение с товарищами на подготовке танцевального номера. И не надо хлопать так глазами, товарищ Родин! Видела я эти ваши зажимания! И как итог – утрата дорогостоящей социалистической собственности!

При словах про зажимания Анечка сорвалась со своего места и выскочила из зала. Да что там такого-то было?

– Вилора Брониславовна... – пытался я что-то сказать, но завуч была непреклонна.

– Вы снова нарушаете порядок! Вам слова не давали, «по-

ка ещё» комсомолец Родин. Выношу на голосование вопрос о включении в повестку итогового собрания комсомольской организации вопроса об исключении товарища Родина из наших рядов. Кто за?

«Естественно, большинство за!», – подумал я про себя. Так оно и вышло. Сейчас документ пойдёт наверх первому секретарю райкома. Там утвердят, и всё!

Результат был понятен сразу. Ещё и девушку расстроили. Теперь одна лишь надежда, что Олег Леонидович окажет содействие. Иначе старикам моим будет плохо.

И выпить захотелось чего-нибудь. С алкоголем в это время было не очень. «Уайт Хорс» или «Джек Дэниэлс» не достанешь. Шампанское тоже не «Ламбруско» или «Асти». Может, у деда есть сорокаградусная «водичка» какая-нибудь? Хотя, ладно. Ещё ничего не случилось страшного. Ну его, этот комсомол! Теперь во всяких собраниях и погрузочно-разгрузочных работах могу не участвовать.

Сегодня вечером решил позаниматься на стадионе. Прикидку по нормативам сделать.

Результат меня устроил вполне. По всем трём упражнениям пять баллов с запасом. В Советской Армии и на Флоте была проще система оценки физической подготовки. Есть нормативы, укладывайся в них, и всё. Никаких таблиц, баллов, категорий и так далее.

Одно меня не устроило в этот момент. Присутствие одно-

го человека на стадионе было некстати.

– Серёжа Родин, привет! Как твои дела? – крикнула мне Галя, когда я закончил делать подъём переворотом на перекладине. Она была в сопровождении двух подруг, которые явно из непростых семей, если судить по дорогой одежде.

– Если бы у меня всё было хорошо, я бы позвал тебя, – сказал я.

– Так вот я! Девочки, я вас догоню на выходе.

Жёлтое платье с чёрным поясом, белая сумочка и туфли на танкетке. Очень яркое и по фигуре. С таким-то папой можно всё достать. Не понимаю, почему у неё ещё «айфон» не появился из будущего?

– Если честно, я немножко занят, может, позже, поговорим?

– Может, позже. Я, вообще-то, по делу пришла, – сказала Галя, посмотрев по сторонам, не смотрит ли кто за нами. – Сегодня слышала, как мой папа насчёт тебя звонил в райком. Всё получилось. Твой вопрос решат.

Вот это хорошая новость! Дядь Петя, наверно, уже сказал бабушке с дедом. Я улыбнулся и не сдержался, потянувшись к Капустиной, чтобы поцеловать в щёку. Однако Галя резко повернулась и впилась мне в губы. Это уже был перебор!

– Галя, не перегибай. Не время и не место. Я понимаю, что ты вся... горишь, но держи себя в руках, – сказал я, отодвигая от себя девушку.

На лице Капустиной появилось недоумение. Такой реак-

ции она явно не ожидала.

– Я что-то не так делаю? Или как-то не так выгляжу? – спросила она, достав маленькое зеркальце из сумочки.

– Да всё у тебя хорошо. И сверху, и снизу... Короче, дела у меня пока. К поступлению готовлюсь. Давай в другой раз, не сегодня.

Веселье на лице сменилось злобой. От милой девушки не осталось и следа. Передо мной уже стояла натуральная стерва.

– Родиныйчик, если я хочу чего-то, мне никто не отказывает. Ты меня понял?

Не думал, что в это время кто-то так разговаривает. Меня что, пытаются сейчас под каблук засунуть? Опрометчиво, Галюнчик!

– Знаешь, я не люблю болтать попусту. Может, сразу поженемся, заведём парочку детишек и возьмём прелестный домик в кредит, согласна?

– Э-э-э... кредит? – задумалась Галя. Из всей фразы её только кредит заинтересовал? Удивительно.

– К сожалению, нам с тобой сейчас не по пути. Я иду домой, а ты...ну куда там ходят у вас, – сказал я, взял кофту и пошёл на выход.

– Похоже, ты меня не понял, Серёжа, – не успокаивалась Галя. – Ты бы вёл себя повежливее со мной. Одно моё слово и папа изменит своё решение, недолётчик ты мой!

Глава 8

Свет был приглушён, стулья сдвинуты и расставлены вдоль стен. Воздушные шары добавляли весёлых красок, разбавляя преобладающие красные тона в оформлении актового зала школы. Множество плакатов с пожеланиями удачи, доброго пути, и чтоб у всех всё было.

«Я бы добавил – и ничего вам за это не было, но боюсь, не оценят юмор», – размышлял я.

В колонках «Симфония» играет Африк Симон, Антонов, «Бони М» со своими вечными хитами, задавая ритм танцев парням и девушкам.

Атмосфера всеобщего восторга, царившая в актовом зале, ни на секунду не могла оторвать меня от столь нужного дела – наблюдать очередной выпускной вечер со стороны.

Кто-то из девчонок уже снял свои туфли и отплясывает босиком. Слева от меня троица в белых и персиковых платьях с кружевами утешает подругу, у которой не сложилось с кем-то из ребят.

Картина происходящего умиляет. Сразу погружаешься в молодость. Хочется закинуть руки за голову и улыбаться. А ещё попкорна не хватает!словно кино смотрю.

Сегодня как раз тот день, когда дамы вольны в выборе платьев и могут краситься смелее. Никакой завуч и слова не скажет! Однако, это у Гали зарубежная косметика. Для про-

стых смертных – «Ленинградская» тушь-плевалка для ресниц, губная помада для румян и жирные тени на веках. У половины девчонок на вручении аттестатов тушь размазалась. Все умывальники позанимали!

К выпускному вечеру одежду из ультрамодного нейлона или заграничных костюмов я не покупал. Да и не на что. На помощь пришли вещи, оставшиеся от отца.

В шкафу обнаружил вполне себе годный чёрный костюм, белую рубашку и галстук. Бабушка ушила немного, и одежда стала по размеру. Правда, всех удивило, что брюки у меня не такие широкие, как это было модно. Просто они ещё не знают, как будут одеваться на выпускной в следующем веке. Особенно дамы!

Справа пацаны в мешковатых костюмах, скрытно потребляют принесённое запретное пойло. Не хватило им «Советского» шампанского за столом. С удовольствием бы угостились, да вставать завтра рано за билетом и в дорогу.

Из комсомола меня не выгнали, спасибо Олегу Леонидовичу. Бабушка с дедом счастливы и верят, что я поступлю. Всё задуманное Сергеем Родиным выполню.

Вызов из училища получен. Быстрее надо свалить от своей пассии, которая полчаса рассказывает подружкам, какое классное платье ей привёз папа. В училище уже «отпишусь» от неё в каком-нибудь письме.

– Это из последней коллекции Общесоюзного дома моделей. Я так счастлива... – не унималась Галя, красуясь в бе-

лом, расклешённом платье-мини.

«Я думал, это всё пройдёт...», – заиграла медленная композиция очередных «Добрых молодцев» или каких-то других «Весёлых ребят». Реакция в зале была восторженной. Чувствуется, что эту песню здесь ждали. Мотивчик хороший. Не зря в один из сериалов засунули во вступительные титры.

– Танцевать, Серёжка! – скомандовала Галя, протягивая мне руку.

Так, стоп! Если я раньше и допускал мысль «переночевать» с ней на сеновале или где будет возможность, то со временем я поумнел. Связываться с Галей чревато, больно мстительная. Просто так от себя не отпустит, станет давить на меня авторитетом своего папы. Придётся объясниться с ней сейчас и довольно грубо. Чтоб наверняка отстала. Запускать отношения с ней дальше нельзя. Фантазия и аппетиты у неё большие.

– Я тебе не пёс, Галочка, – сказал я и картинно откинулся на спинку стула.

– Ой, прости. А теперь пошли танцевать. Песня классная!

– Без меня. Ты, вообще, давай как-нибудь сама, а я посмотрю со стороны.

– Серёжа, ты ничего не забыл? Уговор помнишь? – начала угрожать мне Галя, но меня ничего рядом не держит с ней.

– Тебя посылать я не буду, и не проси. Бессмысленно. Ведь ты туда отправляешься чаще, чем по магазинам ходишь, –

сказал я, поднялся со своего места и попробовал уйти.

– Я тебя не понимаю! – психанула Галя и встала у меня на пути. – У тебя что-то с мозгами. Ты никуда не пойдёшь!

– Конечно, нет. Побегу! И кстати, поверь, мозг – это не всё. Хотя, для тебя это вообще ничего, – сказал я и отодвинул её в сторону.

Мне всё же не дали покинуть зал. Чья-то рука схватила за плечо и потянула назад. Повернувшись, перед собой я увидел сначала Бардина, а затем и его кулак.

«Бом-бом-бом-бом», – проигрыш песни был, однозначно, в тему, когда мне прилетел мощный боковой слева. Хорошо, что успел прикрыться рукой. Сейчас «мяса» во мне побольше, чем месяц назад, так что можно и один на один выходить.

– Я тебя предупреждал за Галю? Больше не буду, – сказал Костя и ринулся на меня.

– Вы чего творите? Прекратите! – появилась откуда-то Анечка передо мной. Она весь вечер где-то пропадала, но в свете ламп можно разглядеть слегка заплаканные глаза.

– Не лезь, Краснова! Сами разберёмся! – отставил её в сторонку Костя.

– Руки я б на твоём месте при себе держал. Хочется поговорить? Здесь шумно. На улицу и прямо сейчас.

Естественно, моё предложение было принято. Пока учителя, караулившие зал, отвлеклись, а остальные праздновали наш выпускной за столами по кабинетам, мы небольшой группой в сопровождении девчонок и нескольких «секун-

дантов» вышли во двор.

Ярости не было и в помине. Запутался парень, «зацепился» за юбку Гали и не хочет отпускать.

Удар правой заблокировал, левый боковой тоже не прошёл. Костя снова пробил справа и зацепил щеку по касательной. Ещё раз справа, но я уже готов. Захват руки, подсел под здоровяка и перебросил через себя. Рычаг локтя и теперь Костя никуда не денется.

– Сергей, оставь его! Ты же руку ломаешь ему! – слышал я сзади крик Ани, кинувшейся разнимать.

– Уйди! Не мешай! – отмахнулся я от неё и почувствовал, что по неосторожности нехило ей зарядил, едва не сорвав захват. Костя высвободил вторую руку, но только смог слегка попасть по плечу.

Захватил покрепче и потащил его левую на излом. Ничего страшного, срastутся кости! Зато навсегда отстанет.

– Он же тоже в лётное поступает! – услышал я из толпы.

Я резко отпустил Бардина и вскочил на ноги. Раз в лётное поступает, переломы ему не нужны.

– Чего отпустил? – сказал Костя, держась за руку и поднимаясь с асфальта. Локти его были разбиты, а рукав голубой рубашки оторван.

– А ты думаешь, в гипсе поступишь? Чё ты до меня пристал? Из-за Гали?!

– А как же! Дома, небось, был у неё. Всю её осмотрел. Моя она девушка! – крикнул Бардин.

– Да не было ничего. Сама она увязалась за мной. Сегодня я послал её. Так что флаг тебе в руки и барабан на шею в этом вопросе.

Костя немного отдышался, развернулся в сторону входа и зашагал в сопровождении ребят и девчонок.

– Видели, как Красновой досталось? Синяк точно будет на пол-лица! – донеслось до меня.

– Ну а куда она полезла?!

– Мужики есть и не надо лезть. Сами бы разняли, когда убивать друг друга бы начали...

Что ты за человек, Серёга? Пускай и не специально, а девчонку ударил. Джентльмен недоделанный! Ладно, теперь от меня все должны отстать. Оно и к лучшему.

– Ещё раз увижу тебя с Галей, так легко не отделаешься, – крикнул Бардин, не поворачиваясь, будто он меня уделал.

– Это вряд ли, – проговорил я про себя и пошёл домой. Вечер этот пора заканчивать.

А домой ли мне пойти? В голове возникла одна мысль. Почему-то сейчас мне захотелось оказаться в другом месте. Это нельзя так описать словами. Это просто надо видеть.

Ноги сами понесли меня на, пожалуй, главное место Владимирска – мемориал погибшим лётчикам. Это небольшой парк с несколькими аллеями, цветочными клумбами посередине. По периметру растут ели, а в центре – Вечный огонь.

На чёрных мраморных стелах высечены имена тех, кто не вернулся из полёта. Сейчас имён здесь не так много, как в

моём настоящем времени, но и немало. В таких местах хочется просто помолчать. А великие слова Рождественского каждый раз читаешь вслух и мурашки по коже.

– Помним всех поимённо, горем помним своим. Это нужно не мёртвым, это надо живым...

И вновь нарастал гул приближающегося самолёта. Стремительно набирая высоту, над головой пронёсся на форсаже истребитель. Не знаю, знак это или просто совпадение?

На пути к дому не мог пройти мимо подъезда Красновой. В паре окон ещё горел свет. Наверное, Анька в подушку сейчас рыдает из-за неразделённой любви и звонкой пощёчины от меня. Конечно, неправильно поступил. Вроде сознанием состоявшийся мужик, а разрулить проблемы с девками не смог.

– Анька! Анька! – кричал кто-то на детской площадке. – Ты где?

Навстречу мне бежал тот самый пацан, которому я покупал молоко, чтобы его не заругали. Пару раз потом от шпаны защитил. Димкой звать. И все-таки он мне кого-то напоминает!

– Привет, Димас! Чё не спишь? – поприветствовал я его.

– Серёга, беда... помоги. Сестра... из... из дома ушла. Быстрее найти надо. Сейчас родители вернутся... а её нет, – запыхавшись, проговорил Димка.

– Какая сестра? Ты о чём?

– Да Анька, сестра моя. Краснова!

Вот я оленёнок Рудольф! И не распознал брата! Теперь надо найти Аню, а то она что угодно может сделать. И ведь я виноват в этом в первую очередь.

— Куда могла пойти? Думай, братик, — сказал я, оглядываясь по сторонам.

— Она про любовь говорила что-то. Пришла с выпускного в слезах. Закрылась в ванной сначала, да и я доставал её. Сам купаться хотел пойти. Она как психанёт и к двери. Раз так, говорит, на мост пойду! И плавать Анька не умеет. Утонет!

В городе всего один мост, с которого можно было утопиться — Петропавловский. Бежать три минуты.

Я рванул что есть силы. Не зря же готовился к нормативам на поступление. Есть вероятность, что уже поздно, но Аня могла сразу не утонуть. Разбиться о воду — вряд ли. Максимальная высота моста метров десять.

Оставалось совсем немного. Перед глазами уже был подъём на мост. В свете фонарей, я увидел Аню, перелезающую через ограждение.

— Стой! Остановись! — кричал я, но тщетно. — Аня, стой!

Её ноги соскользнули с края, и через пару секунд раздался всплеск воды. У меня оставались секунды, чтобы прыгнуть за ней. В мутной воде, к тому же ночью, шансов найти её почти нет.

Не знаю, как я преодолел ограждение, но со стороны, думаю, это был полёт Железного Человека. Пока летел, прекрасно видел, где борется за свою жизнь Аня, не давая себе

утонуть. Выплыв на поверхность, я начал грести к ней. Сил у девчонки уже не осталось, и её голова скрылась под водой.

Я нырнул следом, в надежде поймать в воде. Вытянул вперёд руку и ничего. Мрак и пустота. Сердце колотилось с невероятной силой.

И вдруг мою ладонь тронули чьи-то пальцы. Успев ухватиться за них, я потащил Аню наверх.

– Папа приехал. Сейчас будет беда, – удручающе произнёс Димка, когда мы подошли к их дому.

Мне самому стало некомфортно. Не лучший момент для встречи с отцом Ани. Да ещё после того, как из-за меня она попробовала себя в прыжках в воду. А про удар по лицу, интересно, знает? Войдя в подъезд, я быстро рассмотрел лицо Ани. Повреждений и синяков не было, значит, моя отмашка в драке следов не оставила.

Большую двухстворчатую дверь открыл статный мужчина в светло-синей рубашке с чёрным галстуком и в тёмных брюках. То, что это отец Ани, стало понятно сразу – у него большие, зелёные глаза.

– Быстрее, Сергей! Заноси! – назвал он меня по имени.

Войдя в квартиру, я осмотрелся и понял, что семья Красновых не из простых смертных. Длинный коридор с высокими потолками, на полу паркет и красная дорожка, концы которой не махрятся. Вместо дверей в зал большая рельефная арка.

– Что случилось, Серёжа? – выбежала из комнаты женщина в красном шёлковом халате с заплаканными глазами.

Вот в кого Анечка! Те же черты лица и даже щёки такие же пухлые. Каштановые волосы без единой седой пряди. Очень красивая женщина.

Дима вновь всё объяснил и повёл меня по указанию отца в зал. Положив девушку на диван, я отошёл назад, уступив место маме.

– Спасибо тебе, Серёжа. Мы всегда знали, что с тобой ей повезло, – сказала мама Ани, взяв меня за руку. Через пару минут в зал вошёл отец.

– Сергей, пойдём. Без нас разберутся. Я тебе одежду сейчас дам сухую, и ты попьёшь горячего чаю.

Переодевшись, мы прошли в отдельную комнату. Бросается в глаза множество фотографий на стенах. Запечатлены моменты с каких-то поездок в Москву, фотографии маленьких Ани и Димы. Одна из фотографий интереснее всех – несколько человек в касках и светлой форме на фоне джунглей.

На столе – чёрный телефон, ручка, чернильница, графин с водой и несколькими гранёными стаканами. Ну, и полуметровая наркомовская лампа из металла с узким тканевым абажуром и металлическим украшением на нём, несколько раз воспроизводящим советский герб. Справа окно, а перед столом диван и два кресла по бокам. Я как будто в кабинете у Иосифа Виссарионовича.

– Садись, поговорим, – указал мне на кресло хозяин дома. – Зовут меня Леонид Борисович. Спасибо тебе, Серёжа. Я в тебе не сомневался. И да, про вас с Аней мы знаем.

В этот момент вошла мама с подносом и сказала, что Аня спит и с ней всё хорошо.

– По соседству живёт главврач Городской больницы, – сказала Вероника Васильевна, протягивая мне кружку с чаем. – Он осмотрит её, так что не волнуйся, Серёжа. Мы тебе безмерно благодарны. Меня Вероника Васильевна зовут, если ты не знаешь.

– Как Владимир Петрович и Надежда Петровна? – спросил Леонид Борисович.

Я был удивлён... нет, не так – офигел отношением к себе. Одежда сухая, чай из кружек сервиза «Мадонна», про стариков поинтересовались. Думал, что меня выгонят с квартиры сразу, как я положу Аню на диван. А то и отправят вниз головой с лестницы. Чего-то я в этой жизни не понимаю.

– Дед и бабушка нормально. Работают, меня воспитывают, в военное училище завтра отправляют. А что вы про нас с Аней знаете?

– И про вашу ссору, и расставание из-за Капустиной, и про сегодняшнюю драку теперь тоже знаем, – сказал Леонид Борисович.

– Ну, тогда я не знаю, что вам ещё сказать, – сказал я, отпивая из чашки.

– Ничего не нужно. Просто пей чай и слушай, – сказал

Леонид Борисович и откинулся назад в своём кресле. – Ты, хорошо подумал насчёт лётного училища?

– Это мечта. Сколько себя знаю...

– Вот-вот, и Валентина так хотела. Мама твоя. Не удивляйся, мы знали твоих родителей и очень переживали за тебя, когда их не стало.

– Если честно, удивлён. Мне мало что рассказывают о родителях.

Красновы переглянулись между собой. Что-то они знают, но рассказывать не хотят. Или не могут.

Я поставил кружку и подошёл к фотографии на фоне джунглей. На ней, рядом с Леонидом Борисовичем, был запечатлён человек, поразительно похожий на меня.

– И почему-то мне кажется, что вы мне тоже ничего не скажете, верно? – спросил я, возвращаясь на место.

– Сергей, живи и не оглядывайся. Не знаю, встретимся ли мы снова, запомни, что моя семья у тебя в долгу. Помочь в твоей проблеме с самолётом было несложно, – сказал отец Ани. – Но тайны твоей семьи в этой комнате ты не разгадаешь.

Вот шныри эти Капустины! И я ещё планировал такие комбинации. Всё оказалось проще некуда – меня выручила семья Красновых, которых даже не просили.

До прибытия поезда оставалось несколько минут, но дед с бабушкой не хотели уходить. Слёзы, напутствия, пожелания

– всё это я уже проходил. Рядом стоит дерматиновый чемодан. На мне спортивный костюм. Хотелось уже сесть в поезд и отправится в свою альма-матер.

– Доедешь, обязательно сообщи. Кушай, что дают. Учись прилежно... – говорила бабушка, меняя уже второй платок.

– Баб Надь, ну всё нормально будет. Не в первый же раз... ну, учусь не в первый же раз. Тут до февраля, а там сессия и отпуск.

– Надо ж поступить ещё, Серёжка. Конкурс-то большой, – сказал дед, с видом академика подняв вверх палец.

– Поступим. Не сомневайся. Кстати, а почему вы не говорили, что знаете Краснова Леонида Борисовича? – спросил я.

Не то чтобы меня сильно беспокоила тайна моей новой семьи, но нездоровый интерес после вчерашнего разговора появился.

Дед с бабушкой переглянулись. И почему люди так делают постоянно? Какую подсказку они хотят таким образом найти, бросая взгляд друг на друга. Мой поезд показался вдалеке. Стоянка недолгая, поэтому садиться надо сразу по прибытии его к платформе.

– Сергей, Краснов – человек из партийного руководства. У него свои дела. Нам нет необходимости отвлекать его от дел, – сказал дед, но совершенно неуверенно. Снова какая-то недосказанность в вопросе семьи.

Поезд остановился, а по вокзалу разнеслось объявление,

что стоянка всего три минуты.

– Ну да, только вот мы чуть было не разбили мечту моей мамы, Валентины, – улыбнулся я и обнял стариков. – Разберёмся. До встречи!

Взяв чемодан, заспешил к своему вагону. Уже перед входом меня окрикнул знакомый детский голос.

– Серёжка! Серёжка! Стой! – кричал мне Димка. Он бежал со всех ног с каким-то свёртком в руках. – Успел... Анька... передала... чтоб не проголодался.

Это была небольшая железная тарелка в прозрачном целлофане. Через него просвечивались пирожки. Даже через пакет до меня доходил ароматный запах.

– Спасибо. Передай сестре, что мне жаль за вчерашнее, – сказал я и пожал мальцу руку.

– Ага. Только пакет не забудь постирать, пригодится. Там тебе письмо ещё.

Уже сидя за столиком боковушки, я решил отведать вкусностей. Мне казалось, что таких пирожков с картошкой я никогда не ел.

А письмо действительно было. На простом белом конверте, красивым почерком написано – «Спасибо и удачи, будущий авиатор!»

Глава 9

Курортный Белогорск в это время года полон отдыхающих. Июль в этой здравнице – самый посещаемый месяц. Санатории и пляжи переполнены. И в это же самое время в город съезжаются абитуриенты для поступления в лётное училище.

Набор в данное заведение, в моей «прошлой юности», был небольшой. Белогорское перестало готовить лётчиков, поэтому и не пользовалось популярностью. Чаще всего могли недобрать народ и отправить сигнал по всей стране для желающих учиться в простом авиационном училище, бог его знает на кого. Как говорится, по объявлению добирали! Могли и мимо проходящего взять, лишь бы выполнить заказ по набору.

А вот в Союзе, Белогорское – это престижнейшее лётное училище, где готовят лётчиков-истребителей. Многие подростки мечтают о поступлении сюда. Голубая кровь, белая кость, синегрудые, свистки – по-разному их называют. Интересно, какие прозвища у истребителей сейчас?

Территорию перед КПП называют «Площадь авиаторов». Высокая стела с изображением космонавта слева и самолёт Су-7 на постаменте справа разделены широкой дорогой, уходящей вглубь территории училища.

У ворот уже толпятся молодые ребята в гражданке, пыта-

ясь построиться. Занимался их организацией в этом вопросе солдат с красными погонами и петлицами с эмблемой мотострелков. Форма х/б, то есть из хлопчатобумажной ткани, сапоги натёрты так, что в них бриться можно, а верхняя пуговица воротника расстёгнута.

На погонах красовались буквы СА и одна жёлтая полоска, то есть, лычка на каждом. Ремень с латунной бляхой начищен до блеска, а пилотка с красной звездой съехала набок. Хотя, может, так и было солдатиком задумано, чтобы показать свою крутость перед вчерашними школьниками и выпускниками ПТУ. Вот какой он, товарищ ефрейтор!

– Ну че?! Уснул? Живее в строй! – крикнул мне ефрейтор. Видимо, ему необходимо, чтобы я бежал сломя голову.

Сильно ускоряться не стал, но и не тормозил. Нечего с первых минут наживать себе врагов! Ещё раз взглянул на смуглого, худого и курносого, с ямочкой на подбородке – ну совсем неприятного вида парниша.

– Так, все собрались? Я третий раз за вами сегодня выхожу. Достали, сосунки! Равняйся! Аттставить! По команде «Равняйся!»

Ну вот, я уже и забыл каково это – подчиняться! Сперва взглянул на этого бойца злобно, мол, ты как с капитаном, щенок, разговариваешь, но быстро опомнился. Сейчас я желторотик или «плафон». Так называют в Белогорском училище первый курс, на который ещё только предстоит поступить.

– И обращаться, сыночки, товарищ ефрейтор, ясно? –

подытожил солдат. Кто-то, как я, не повёлся на этот выпад, за что были удостоены новой порции крика и неприятного запаха изо рта кричащего.

– Ладно, абитура сегодня начнётся и пообщаемся. Налеево!

Центральная аллея мало чем отличалась от того, что помню я. Всё те же квадратные кусты, тротуары по обеим сторонам и мотивационные плакаты на столбах, а также портреты знаменитых выпускников училища.

Первый же перекрёсток и направо ведёт дорога к столовой. Не знаю, как сейчас обстоят дела, но в моё время, после наряда по кухне, форма могла разить «приятными ароматами» в течение недели.

И вот он – училищный плац! Место, где приводят к приёму, курсантов «разводят» на занятия. Не путать с бандитским термином! А главное – вручение лейтенантских погон. В голове так и заиграли песни – «За что мы пьём» и «Вот и всё».

– Столько героев, – кивнул в сторону бронзовых бюстов известных выпускников мой сосед по строю. Рыжий парень с веснушками, в сером костюме и небольшим чемоданом.

Фибровый, коричневого цвета, сделанный Ломоносовским промкомбинатом, цена пять рублей двадцать копеек. Всё это было написано на огромной синей печати на ручке этого «изделия» для переноски вещей.

– А раньше было больше. Героев России ещё нет, – до-

бавил я, вспомнив, что эти бюсты занимали весь периметр плаца. Сейчас они находятся по левую сторону от аллеи, ведущей в здание учебного корпуса.

– Как больше? Какой России героев? – поинтересовался рыжий, обратив внимание на моё странное замечание.

– Ну... в смысле, планировали поставить первых героев... Нестерова, например. Ты ж знаешь, кем был Пётр Нестеров?

– Разговор убили! Мимо плаца только строевым ходят! Строевыым марш! – скомандовал солдат, но его команду никто не принял во внимание. – Не слышу строевого!

– Уши прочисть! – выкрикнул кто-то из первой шеренги. Там шли самые рослые, но и это не стало поводом для нашего «старшего» умерить свой пыл.

– На местеее, стой! Напраааво! – строй нехотя повернулся лицом к плацу. Не самое удачное место выбрал для разборок солдат. Прямо на виду у всего училища. А сейчас как раз рабочий день. – Кто там твякает, псы?

– Ты бы закрылся, ефрейтор. Нас как бы побольше будет, —вперёд вышел рослый парень в морковной рубашке с закатанными рукавами. Скинув свой рюкзак, он подошёл поближе к «старшему», слегка нависнув над ним.

– Здоровый? Я тебе ща в печёночку-то пробью, а после отбоя в каптёрке переговорим. Там и посмотрим, кого больше. Встал в строй!

Светловолосый «рослый» взглянул на нас с укором, будто ждал какой-то поддержки со стороны. Сейчас был имен-

но тот момент, когда в будущем коллективе могут появиться лидеры.

Из боковой двери, где находился штаб учебного полка, вышли два офицера. Завидев это, я махнул головой в их сторону, показав рослому, что не время сейчас устраивать разборки. Парень обратил внимание на приближающихся и вернулся на своё место.

Казарма уже показалась на горизонте. Путь к ней пролегал через ещё один большой плац, с нанесённой разметкой для строевой подготовки, и спортивный городок в красно-белой раскраске.

Перекладыны и брусья, скамьи для пресса и рукоходы, лопинги и гимнастические колеса, батут и площадка для отработки прыжков – занимайся сколько влезет!

Обычно столпотворение здесь начиналось перед летним отпуском. Ещё бы! Домой надо ехать подкаченным, чтоб девчата на пляже только на тебя смотрели.

И, конечно, главный «аттракцион» лётчика – катапультный тренажёр. Имитация кабины самолёта Л-29 и кресла, закреплённого на высокой балке. Как раз сейчас и проходило занятие с курсантами в тёмно-синих лётных комбинезонах.

– О, новых «плафончиков» подвезли, – сказал один из них, когда мы проходили позади строя.

– Удачи, мужики, – приветливо махнул рукой другой.

Хлопок и все наши взоры обратились к тренажёру. Кресло, с сидящим в нём курсантом, устремилось вверх по балке.

Помню, что перегрузка могла возникать солидная в момент подъёма. Нередко травмы случались.

Обучаемый скривил лицо от напряжения, но в процессе медленного снижения был похож на человека, очень долго ждавшего очередь в уборную и, наконец, сделавшего свои дела.

– Чё встали? Шевелите своими ластами, псы! – рыкнул ефрейтор, заметив, что строй не двигается.

– Подойдите сюда, товарищ собаковод! – прозвучал голос со стороны тренажёра. Невысокий, квадратный, с гладкой лысиной офицер в оливковой рубашке и камуфлированных штанах помогал курсанту вылезать из кресла. – Я на тебя сейчас намордник натяну. За забором будешь псов гонять, а здесь люди, уяснил? – сказал он, когда ефрейтор подошёл ближе.

Буркнув что-то невнятное из разряда «понял» или «виноват», он побрёл обратно к нам и скомандовал продолжить движение.

Перед белым трёхэтажным зданием с табличкой «Казарма 2-го батальона курсантов» и двухстворчатой деревянной дверью, нас уже встречал высокий майор, весело общающийся с несколькими солдатами и сержантами. Наш «старший» доложил ему и присоединился к живому обсуждению какого-то весёлого события с такими же ребятами в х/б обмундировании.

– Я приветствую всех. Майор Неваднев Алексей Леони-

дович. Один из ваших будущих командиров взвода, а может, и роты.

У Неваднева была нехарактерная для большинства офицеров стойка – ноги широко расставлены. На флоте, что ли, служил? Не отошёл от качки?

– Проблемы, предложения, просьбы? Нет. Размещаемся и в штаб приёма.

На дверях расположения красовалась табличка «5 рота». Вот точно дежавю! Второй батальон, пятая рота, третий взвод – в этом подразделении я и служил, будучи курсантом Белогорского училища. Теперь всё повторяется. Ну что ж, заново привыкать не придётся.

На входе пост дневального, который сейчас никто не занимал. «Тумбочка» – так его называли всегда и во все времена. Над головой вместо двухглавого орла изображение советского флага с надписью: «Служу Советскому Союзу!». Несколько стендов, на которых уже развешаны объявления, расписания и другая информация для абитуриентов, то есть нас. И как же без «подсказок» для дневального – какие команды и во сколько подаются, кому подавать, а кому не подавать «Смирно!».

А также зеркало, которое всегда должно блестеть, как у кота «известное место». Любимое место для выдавливания прыщей у курсантов.

Спальное расположение и центральный проход – «взлётка» на военном диалекте – небольшие, разделённые аркой.

Деревянные полы слегка запылённые и не натёрты, как это принято в армии. Видимо, исправление этих недостатков поручат нам. Двухъярусные кровати с синими трёхполосными одеялами, ещё не «отбиты» утюжками, а полосы не выровнены. Это тоже всё временно. Скоро за это будут наказывать. Возможно, даже с завтрашнего утра.

Зелёные дорожки с красными полосами по бокам свёрнуты и лежат под ближайшими кроватями. Рядом серые прикроватные тумбочки и того же цвета табуретки, требующие слегка поработать над ними молотками – шляпки гвоздей торчат.

С левой стороны два ряда уже были заправлены белыми спальными комплектами. Солдаты и сержанты с войск прибывают, обычно, раньше. Ходят на подготовительные занятия, чтобы на экзаменах не завалиться полностью.

Я поставил свою сумку рядом с первой кроватью по правой стороне, взял папку с документами из чемодана и присел на табуретку. Остальные ребята тоже расположились у понравившихся кроватей. Не обошлось, конечно, без стычки. Мой рыжий сосед в строю и тот самый рослый не поделили кровать у центрального прохода.

– Лезь наверх, я сказал! – повысил голос рослый.

– Рано командовать начал, дятел, – сказал рыжий, оттолкнув его.

Парни начали толкаться и на призывы успокоиться не реагировали. Надо вразумить бойцов.

– Мужики, это настолько большая проблема, что нужно вылететь из училища прям впервые минуты? – спросил я, положив руку на плечо рослого, и нажал на болевую точку в районе шеи. Мощный пацан! Не сразу получилось продавить, но парень согнулся. Второго притянул за галстук к себе и посмотрел в его серые глаза. – Думаю, что есть решение.

– Живее! Вещи положили и на улицу, – послышался голос «строного» ефрейтора. Я отпустил галстук и убрал руку с плеча рослого. Наш старший заскочил в расположение как раз, когда я перекинул свои вещи на верхний ярус и протянул рослому его старый походный рюкзак песочного цвета.

– Местами решили поменяться, братанчик. Нам же делить нечего, верно, мужики? – сказал я и протянул руку рыжему. – Сергей Родин, можно Родя, не обижусь.

– Артем Рыжов, очень приятно, – ответил он и пожал мне руку.

– Говорящая фамилия, пятнистый, – встрял в разговор суровый ефрейтор. – Минута времени.

Все поспешили на улицу, а я догнал рослого и снова положил руку ему на плечо. В этот раз он быстро её скинул.

– Всё, всё! Ты извини, успокоить просто хотел вас. Немного применил навыков. Будем знакомы? Я Серёга.

– Максим Курков, с Геленджика я, – без настроения ответил он и пожал мне руку, когда мы выходили из расположения роты. – Где так научился?

– Да служ... занимался, курсы постоянно проходил, гим-

настику дыхательную делал. Всего понемногу. Там и не такому научат, – сказал я.

– А что это за специальные курсы?

– Ну как... специальный спортивный отряд. При школе секция была. У нас мужики там серьёзные преподавали. Ещё фронтовики!

Парень не самый сообразительный, как я заметил, так что быстро забудет. Через несколько минут всем составом мы стояли перед кабинетом начальника штаба приёма абитуриентов. Табличка на двери гласила, что им является полковник Кузнецов Иван Иванович.

Заходили по очереди, которая сформировалась сама собой. Каждый находился в кабинете примерно одинаковое время – минут по десять. Правда, когда зашёл Максим Курков, ему потребовалось несколько больше, чем десять минут, а также выходить за дополнительными документами, которые он принёс в рюкзаке.

После пятого похода за дверь, полковник с небольшим животом в оливковой форме вышел вслед за ним и забрал походную сумку Макса в кабинет. В общей сложности с Курковым мучились полчаса. А после него заходил я.

– Разрешите, товарищ полковник, абитуриент Родин, – спросил я разрешения войти и получил его в виде жеста рукой.

Большой кабинет с несколькими столами, старым, даже для 1976 года, холодильником «Газоаппарат» и огромным

шкафом, на котором расставлены личные дела. Каждая полка соответствует потоку поступающих.

Слева и справа за столами сидели две прелестные красавицы-близняшки. Загорелые брюнеточки не отрывались от печатных машинок и заполнения бланков.

– Добрый день, девушки, – тихо поздоровался я, и был услышан. Меня буквально обсмотрели в течение нескольких секунд! Я прямо-таки чувствовал их рентгеновские лучи на себе. Какие же у них серые глазки! А от белоснежных улыбок можно и ослепнуть.

– Давай, давай. У тебя-то, милый мой, всё на месте? Никак у Куркова? – вернул меня в чувство Кузнецов.

– Все документы при себе, товарищ полковник. Разрешите сесть?

– Да, конечно. Ох, водички дай попить, Света, – сказал Кузнецов, снял галстук и расстегнул несколько пуговиц.

Одна из близняшек поднесла гранёный стакан и с трудом повернула на своего начальника настольный вентилятор ВЭ-1. Мощный, как танк, с резиновыми лопастями коричневого цвета.

– Ох, эт хорошо, что документы с собой, Родин Сергей Сергеевич. Давай побеседуем.

И начался допрос. Где родился, что закончил, готов ли поступать? Всё стандартно. Не припомню, чтобы кто-то приезжал и сказал в штабе приёма, что не хочет.

Та самая Света очень быстро записывала мои данные. Я

старался говорить медленно, но этого не требовалось. Видно, что девушка очень способна в стенографии.

– Теперь, поговорим о твоих талантах. Что умеешь? Есть ли разряды?

– Так точно. Вот, пожалуйста, – сказал я, протягивая полковнику разрядные книжки и характеристику со школы.

При первом знакомстве с Родиным, я сделал вывод, что ему нужно с гирей ходить, чтобы не улететь при порыве ветра. Таким он мне показался задохликом.

Однако Серёжа оказался перворазрядником по бегу на восемьсот метров, второразрядником по плаванию на такой же дистанции и призёром области по стрельбе из малокалиберного оружия.

– Из чего, говоришь, стрелял на соревнованиях? – уточнил полковник, поправляя очки при чтении школьной характеристики.

– ТОЗ-8, товарищ полковник.

– Ох, хороший экземпляр к нам пришёл. Что скажете, девчата? – спросил полковник, подмигнув мне. Близняшки весело захихикали.

Я не сдержался и посмотрел в сторону Светы, удостоившись её загадочного взгляда. Эх, а ведь в город нескоро выпустят, а потом ещё и месяц «курса молодого бойца» – КМБ. До девушек ещё далеко, а там...

Распахнулась дверь.

– Иван Иванович, почему так долго принимаем? – прозвуч-

чал вкрадчивый голос.

Девушки навели порядок на своих местах, а за моей спиной Кузнецов постарался быстро привести себя в порядок. Я же решил поднять пятую точку со стула.

В кабинет вошёл темноволосый полковник, на вид которому лет тридцать пять, не больше. Высокий и статный мужчина с лицом, отлично подходящим для скульптуры. Без малейшего изъяна. Глаза голубые и ровно посажены, лоб не высокий или низкий, не слишком широкий или узкий, с видным подбородком. Девушки то ли от его авторитета, то ли от красоты смотрели на него с обожанием. Полковник медленно показал рукой, что можно садиться и подошёл к столу.

– Я вот в галстук, Иван Иванович. А вы? – поинтересовался он, намекая Кузнецову на его неуставной вид, и взял в руки какой-то список. – Я слушаю, что у нас с набором? Почему долго?

– Возникли проблемы с абитуриентом, Николай Евгеньевич. Перепроверяли документы, – сказал Кузнецов.

– Перепроверили? Всё в порядке?

– Так точно. Вот занимаемся следующим.

Николай Евгеньевич пристально посмотрел на меня, но я уже опередил события.

– Абитуриент Родин, товарищ полковник. Прибыл для поступления, – доложил я.

– Хорошо, Родин. Знакомая фамилия, не могу вспомнить, где мне попадалась. Откуда родом?

– Владимирск, товарищ полковник, – ответил я, краем глаза заметив, что Кузнецов уже заканчивает подгонку галстука.

– Недавно был там. В аэроклубе не летали?

– Летал.

Меня стали одолевать странные мысли. Чувство такое, что вопрос был задан неспроста. Отчего-то его имя и отчество были мне знакомы. Вот неудобная форма в Союзе – нет нашивок с фамилией. Можно было бы тогда сразу определить кто перед тобой.

Николай Евгеньевич начал листать личное дело и наткнулся, судя по уголовному штампу, на характеристику из аэроклуба.

– Странно, Сергей Сергеевич, – сказал полковник. – Объясните, как вам позволили закончить аэроклуб?

Какого Кобзона! Похоже передо мной тот самый полковник Крутов, проводивший расследование по аварии Як-18.

Глава 10

Крутов буквально «сверлил» меня взглядом, пытаюсь то ли загипнотизировать, то ли морально задавить авторитетом, так сказать.

– Не могу знать, товарищ полковник. Документ мною был получен... – начал я ответ, но Крутов не стал слушать.

– Я вижу, что вы получили за документ. Мне интересно, как это у вас получилось?

– Документ мною был получен после окончания аэроклуба ДОСААФ. Программу обучения я прошёл...

– Вы её не прошли! – повысил голос Крутов. – Подлинность этих документов, Иван Иванович, вызывает у меня сомнения, – сказал он, размахивая перед Кузнецовым характеристикой и свидетельством об окончании аэроклуба.

«Вы чё такие трудные? Телефон из кармана достань да позвони во Владимирск», – подумал я. Хотя здесь стационарные-то телефоны не везде.

– Николай Евгеньевич, оснований не допускать его до экзаменов у меня нет. Как и у вас. Предлагаю сделать запрос во Владимирск, а Родину продолжить поступление.

На лице Крутова появилось разочарование. Хотя, а чего он думал? Дипломы ещё не продаются «в переходах», как бы тогда сделал его сам. Компьютер, фотошоп, сканер, принтер – пока это всё неизвестно жителям СССР.

– Принято. Занимайтесь. Я в столовую, потом подойду, – сказал Крутов и вышел из кабинета.

Кузнецов громко выдохнул и снова снял с себя галстук.

– Ну что, товарищ Родин, о чём ещё мы с вами не поговорили? – спросил он, наклонив голову к вентилятору.

Ужин в столовой ждал с нетерпением. Весь день на ногах в постоянных перемещениях, и теперь организм требовал «дозаправки съестным топливом». В голове ещё не улеглись мысли о встрече с Крутовым. Надо ж так попасть!

Сначала он не стал разбираться в происшествии с моим участием и, чуть было, не лишил меня возможности поступать. А теперь он может закончить начатое. М-да, уровень везения у меня, как у рождённого двадцать девятого февраля!

Курсантская столовая, образца 1976 года, не впечатлила. Перловка под довольно плотным слоем жира и небольшой кусок сала в панировке.

– Ооо, «сникерсы», – сказал я, когда наряд по столовой принёс нам порции.

– А что это такое? – спросил Макс. Ну вот, опять ты, Серёга, «палишь контору», что ты не из этого времени!

– Ааа, неважно! Шоколад такой в Болгарии.

– Предлагаю посетить чипок после ужина, товарищи. Есть возражения? – спросил Артём.

Макс принялся наливать чай и просто молча, кивнул. Я

сделал тоже самое и взглянул на четвёртого за нашим столом.

– Предложение действует для всех! Как зовут? – спросил я у довольно плотного парня с короткой стрижкой, одетого в белую рубашку и чёрные брюки, а по выражению лица смахивающего на енота.

– Ну... Виталя Казанов, – сказал он, принимая красный пластиковый стакан от меня.

– Виталик, ты как? С нами? – спросил я у Казанова.

– Ну... ну, давайте, – неуверенно согласился он.

– Ты откуда, Виталя? – спросил Макс.

– Москва. Ну... вот прям из Москвы, – сказал он, отодвигая от себя чай, налитый ему Максом.

– Ты чего? – спросил Артём. – Может, несладкий будешь?

– А вы не знали – бром туда добавляют. Чтобы мы спокойнее были, ну... и к девочкам... ну вы поняли, – проговорил Виталя, на что я слегка посмеялся.

Парни призадумались над словами Виталика. Артём даже предложил унести чайник. Однако я не дал этому свершиться.

– Если бы нам бром добавляли в еду, проблемы с потенцией – последнее, о чём стоило бы волноваться. Он токсичен, а в Первую Мировую его и вовсе использовали как отравляющее вещество, – сказал я, но вновь встретил недоумевающие взгляды.

Чай мои новые товарищи решили попить маленькими

глотками. Так себе фильтр!

– Кстати, Виталь, а чего в Москве не сиделось тебе? Вроде не самое престижное занятие у столичных в провинцию ехать? – спросил Артём, уплетая хлеб с маслом.

– Бабушка настояла. Говорит, невесту там себе найдёшь. Ну... я всю жизнь в Москве, в санаторий иногда с дедушкой ездил. А тут, надолго так ещё ну... не ездил, – отвечал неуверенно Виталья.

Насчёт девушек это он прав! Юные красавицы-москвички особенно не любили курсантов. Выйдешь замуж, а потом вас в какую-нибудь дырку от бублика отправят служить. Страна-то немаленькая!

В провинции военные всегда пользовались большим уважением и даже являлись своеобразным символом стабильности и семейного благополучия. С невестами тут проще.

После ужина заспешили в чипок. Аббревиатура ЧПОК придумана в очень «бородатые» годы и расшифровывается, как «чрезвычайная помощь оголодавшему курсанту». Величина очереди здесь зависит от множества факторов. Чем ближе денежное довольствие, тем меньший спрос, а соответственно, и привоз вкусовностей. Но вот приходит день выплат, и начинается «чёрная пятница», «новогодний хапун» и так далее. Каждый хочет булочку, шоколадку, лимонад, да хоть сигарет с фильтром купить! Как назло, именно сегодня у курсантов и была выдача денег.

Глаз радуется, когда видишь эту форму! Тоже х/б, что и у солдат, только оттенок «гороховый». Ремень из кожи с прямоугольной латунной бляхой и золотистые пуговицы, синие погоны с жёлтыми полосками и буквой «К».

Одни заседали за столиками, вальяжно поедая сосиски в тесте и запивая берёзовым соком. Другие стояли у прилавка, продолжая торговаться с продавщицей в белой униформе и колпаке. Женщина невысокого роста с короткой стрижкой и огромной грудью доказывала курсанту, что он ей ещё должен.

– Петровна, я у тебя только на трёшку записывался! Ну посмотри в тетради, родненькая, – уговаривал курсант продавщицу проверить в тетради его долги.

Эта картотека стоила астрономических денег! Все долги курсантов и даже офицеров записывались сюда. Когда появлялись злостные неплательщики, эта тетрадь попадала на стол к начальнику штаба. Тогда вопрос решался быстрее.

– Курень, я тебе сказала, не подпишу обходной, пока не принесёшь долг. И не проси. И... да отпусти, стервец! – смеялась продавщица, когда курсант начал расцеловывать руки буфетчицы.

– Олечка Петровна, ну пожалуйста. Приеду с отпуска – верну!

Посмотрев на полупустые прилавки и огромную толпу перед нами, я решил не тешить себя надеждой и сказал, что подожду на улице.

В курилке было несколько человек – два лейтенанта и курсанты четвёртого и третьего курса.

– А я ему, Автандилович, Автандил у меня папа! – смеялся лейтенант в чёрной форме и белой фуражке, рассказывая смешную историю. Лицо молодого офицера напомнило мне кого-то. Сложно мне поверить, что сейчас передо мной именно эта легендарная личность. Такой взгляд мог быть только у него. Я направился к курилке, чтобы воочию увидеть одного из лучших выпускников Белогорского училища.

Тимур Апакидзе, легендарный палубный лётчик, герой России. Именно он отстоял наших морских лётчиков в Крыму, когда Союз рухнул, и вывел их на Север, отказавшись принять присягу на верность Украине. И ведь я знаю его судьбу! Можно сейчас предупредить обо всём.

– Тимур Автандилович! Мне надо... – окликнул я его, не решив, как продолжить дальше.

– Да, парень. Что-то хотел? – ответил он. – Щас, мужики.

Апакидзе подошёл ко мне поближе и протянул руку. Крепкое рукопожатие, в котором чувствовалась та самая сила воли и уверенность, о которой говорили его сослуживцы во многих передачах и фильмах.

– Вы... вы в Крым попали служить? – спросил я, не решаясь сказать об истинной цели моего обращения.

– Не-а, я на Балтике. Ты ещё абитуриент, я погляжу? – спросил Апакидзе, одобрительно хлопнув по плечу.

– Да, поступаю. Я... хотел бы вам удачи пожелать. И...

подумайте про Крым, вы ему нужны. Может переведёться туда... когда-нибудь?

– Конечно, малец. Тебе удачи на поступлении, – сказал он и ещё раз пожал руку. – А за Крым не переживай. То, что его Хрущёв подарил СССР – это ничего не значит. Он всегда будет русским.

– Да, не переживаю. Его ещё вернём! Ну... попозже только. Удачи и берегите себя!

Он вернулся к своим товарищам. Такой молодой и темно-волосый, как на архивных фото. Я так и не сказал ему, что он погибнет 17 июля 2001 года в Псковской области во время демонстрационного полёта. Скажи я ему об этом сейчас, станет ли он тем самым Апакидзе? Думаю, за идиота примет и посмеётся.

Макс и Артём всё-таки достали себе пирожки, а вот Виталя был какой-то разочарованный. Он вообще не улыбался, хотя мы всячески пытались его развеселить. Оботрётся со временем!

Вечерние водные процедуры прошли весьма колоритно. Горячей воды в казарме не предусмотрено, а роль душа выполняли два перевернутых крана в умывальнике. «Многоочковый» туалет не видел уборки уже давно. Эту проблему будут скоро исправлять абитуриенты, которые в чём-то провинились. Ну и наряд по роте.

– Живее, чудища! – крикнул на входе в санузел высокий, долговязый сержант Бирсов, пришедший из ВДВ. Он стоял в

тельняшке, вращая на пальцах связку ключей. – Ты, похожий на енота, в каптёрку зайдёшь потом, – указал он на Виталика.

– Ну... ну хорошо, – сказал Казанов и продолжил старательно натирать носки мылом. Душистый кусок постоянно вылетал у него из рук, и Виталя бегал по всему умывальнику за ним.

– А чего этот Бирсов тебя в каптёрку позвал? – спросил Макс у него.

– Так... ну... есть там дело одно.

Нездоровая фигня с этими ребятами из войск. Многие в своё время приезжали поступать, чтобы отдохнуть от армейской жизни. Здесь их сильно не гоняли, режим попроще, можно и в самоволки походить. Просто время «убивали» до дембеля.

Майор Неваднев объявил, что времени до отбоя осталось десять минут и водные процедуры пошли быстрее. В двадцать два ноль-ноль прозвучала команда «Отбой».

Начали прибывать другие потоки, места в казарме становилось меньше и приходилось поддерживать порядок. Начались первые наряды по роте и в столовую. Без оружия, конечно, и в гражданской одежде.

Пока другие тянули лямки наведения порядка, нашему потоку предстояло пройти медкомиссию. Пожалуй, врач для лётчика – страшнее отказа двигателей или попадания ракеты. Именно этот человек может поставить крест на мечте о

небе и отобрать крылья, если ты уже летаешь.

Предстояло пройти многих врачей, но перед этим необходимо оставить «следы» в истории местной лаборатории – кровь и другие соединения в жидком и твёрдом виде.

Каждого врача проходят в определённой «форме одежды»: где одетыми полностью, где по пояс голыми, где в трусах, а где-то и без них. Послушают тебя, уши и нос посмотрят, покрутят на небольшом стульчике, именуемым «рыгаловкой», обстучат тебе коленки молотком и ещё несколько проверок выполнят.

Конечно, большинство переживает за окулиста. «Орлиный» глаз – это то, чем славятся лётчики, а он у тебя должен быть не девяносто девять, а только сто процентов. Поскольку половину своей жизни пилот смотрит на приборы в кабине. А вот вторую половину на попу официантки в столовой.

Есть ещё такая «весёлая вещь», как барокамера. Это исследование предполагает, что тебя сажают в небольшое помещение, в котором создают условия подъёма на высоту пяти тысяч метров. А затем снижают, но уже с большей вертикальной скоростью. И вот тогда-то и проявляется вся сущность человека, точнее лезет наружу всё, что ел и не ел последние несколько часов. Правда, потом этого человека объявляют негодным к лётной работе, а уборщицы поносят всеми известными именами и прозвищами.

Стоя перед кабинетом терапевта для финального осмотра, я услышал за дверью спор врача и вошедшего парня. Вышел

он расстроенным, ругая всех и вся.

– Давление ему не понравилось! Всего девяносто на сто пятьдесят. Сигарету будешь? – спросил парень, присаживаясь рядом со мной.

– Спасибо, не надо. Не пропустил? – спросил я.

– Ага. Сказал, чтоб ехал в другое место. У них, видимо, уже все места расписаны!

Тут я согласен с ним. У каждого адмирала, генерала, полковника, партийного работника есть дети. А вот когда из этих категорий люди закончились, тогда начинают набирать тех, кто годен.

Медсестра вынесла документы парню и пригласила меня. Войдя в кабинет, я сразу понял, в чём корень беды с давлением.

В просторном помещении на каждом столе работали вентиляторы. В углу стоял телевизор с шильдиком «Рубин-401» и рычащий «Саратов-2». На стенах висели медицинские плакаты, графики, памятки, портреты Пирогова, Сеченова, Мечникова и других светил врачебной науки. Ну и как же без Леонида Ильича в самом центре! У дальней стены за большим столом заседал терапевт с медсестрой. А корнем и самой главной проблемой были три обворожительные девушки в новеньких халатах и колпаках, сидевшие справа вдоль стены за небольшими партами.

– Передо мной встаём, товарищ Родин. Раздеваемся, – сказал терапевт. Гавриил Иннокентьевич Лам – так его зо-

вут, если верить табличке на входе.

– Всем добрый день, – сказал я, и, сделав небольшой поклон девушкам, стал снимать с себя футболку и штаны, оставаясь в одних трусах. Чувствовалось, что девушки осматривают меня пристально. За тот период, что нахожусь в этом времени, всё-таки подкачался немного, пару кубиков прорисовалось на прессе. Эх, вот ту смугленькую с карими глазами бы сейчас, да...

– Родин, не отвлекайся, – одёрнул меня Лам, заметив, что я не свожу глаз с девушки. – Чего остановился? Трусы тоже снимай и руки по швам.

Вот так Гавриил Иннокентьевич! Конечно, так и у меня давление вверх пойдёт. Главное – расслабиться и не думать... тем самым местом. А как тут не думать, если кареглазая пару пуговиц расстегнула на халатике! Ладно, что не сделаешь ради дороги в небо! Трусы стянул вниз.

– Очень хорошо, – сказал Лам, посмотрев через большие очки на меня. – Что там у него?

– А, разрешите... – начал говорить я, но терапевт осадил меня.

– Боком поворачиваемся, Родин. Левым боком ко мне. Руки по швам, – сказал он и подошел ко мне с тонометром. – Что там у него?

Девушки по очереди вставляли и сообщали мои данные. Вес, рост, показатели зрения, результаты анализов, обследования в барокамере и так далее. Всё было в норме. Кроме

моего стоя... состояния. Держать себя в руках получалось, а вот «его» не очень.

– Хорошо. Что скажете, Родин? Летать хотите? – спросил Лам, снимая с моей руки манжету.

– Вы даже себе не представляете как! – воскликнул я и вместе с девушками мы закатились со смеху. Лам тоже за-улыбался. В своих документах я обнаружил желанную запись «Годеи к лётному обучению».

Мои новые товарищи прошли тоже. Даже наш «старший» суперефрейтор оказался годен. Что ж, молодец!

Лёша Баля зовут этого паренька, отслужившего один год в войсках. Фамилия, похоже, не склоняется. Предки, видать, французы были. И картавит ещё слегка. Сам он был родом из Краснодарского края и выделялся разве что скверным характером. Высокое самомнение, нарциссизм и походка а-ля «очень широкие плечи». Сам он уверял всех, что с его связями он уже поступил, за него договорились, и он не переживает. А вот за нашего нового товарища, Виталию Казанова, мы переживали. Сегодняшним вечером ефрейтор Лёша был дежурным по роте и очень часто обращал внимание на нашего товарища.

– Ээ, еиот! Я тебе сказал подойти! – крикнул Баля Виталику, когда он брлся перед отбоем.

– Ну... ну... подойду.

– Не беи меня, лупатый! Живее, псы. После вас ещё убираться будут полночи.

Я дождался, пока Баля вышел и подошёл к Витале. Попробовал узнать, в чём проблема, поскольку каждый вечер заканчивался подобными криками в его сторону. Однако Казанов не открылся мне.

После отбоя мне не спалось. И ведь можно забить на Виталика, на все эти притеснения пухляша. Меня-то не трогают! Поступление в самом разгаре, а я не о том думаю совершенно. Может, там и, правда, нет ничего плохого. Ну, может, деньги вымогают, так пойти сдать их тихонько Невадневу, и всё.

Майор, как по мне, так командир опытный. Знает, как спокойно решить это дело. Только я не стукач! Ладно, пока Неваднев в расположении роты, ничего не произойдёт.

И в этот самый момент дверь канцелярии роты скрипнула. Майор, надев фуражку и опечатав помещение, пошёл в сторону выхода. Через несколько секунд звякнул засов, и он вышел за дверь.

– Толстый, подъём! В умывальник, живет! – сказал Баля, подойдя к кровати Виталика и ударив по ней с ноги.

Когда ефрейтор потянул за собой Казанова, вместе с ним следовали ещё двое. Похоже, что сейчас Виталику собираются сделать «тёмную». Эх, офицер я или нет!

Вскочил в тапки, со свободной кровати схватил подушку и медленно побрёл в умывальник. Там уже слышались шлепки и угрозы. С Виталика требовали какие-то деньги. И за что?

– Добрый вечер! Я диспетчер, – сказал я, войдя в санузел и закрыв за собой дверь.

– Вышел и закрыл дверь с той стороны! – рыкнул на меня Баля. С ним рядом был долговязый сержант Бирсов из ВДВ и какой-то коротышка.

– Громкость твоей речи не придаёт смысла и весу словам. Как ты нёс чушь, так и продолжаешь, – сказал я, закрывая дверь плотнее.

– Спортсмен, что ли? Сейчас мы тебя потренируем, – сказал Баля, отпустив Виталика.

– Давай-ка ребята! Толстый подождёт, – сказал Бирсов.

Глава 11

Полы в умывальнике скользкие, да и места мало. Сильно не сманеврировать. Надо использовать самоуверенность этих ребят в своих целях.

Ближе всех был Баля. Я бросил подушку ему в руки и от всей души вложил в удар в район солнечного сплетения. Ефрейтора скрутило, но у него был подельник.

Бирсов приложился с ноги, но я успел заблокировать. От этого удара меня отбросило к стене. Десантник увлёкся и пробил прямым... в стену, не успев за моим уклонением. Не знаю, что прозвучало громче – крик от боли или треск его кости. Схватившись за руку, он опустился на колено. Как это ни странно, но не моя вина, что сержант такой косой. И что ему стена сделала?

Коротышка наблюдал за этим со стороны.

– Продолжать не хочешь? – спросил я, и паренёк выскочил из умывальника.

– Я тебе это... прип...помню, Родин, – несвязно пробубнил Баля. – Завтра же домой поедешь. Людей... своих напругу!

– Не перенапрягись, – сказал я, похлопав ефрейтора по затылку. – А ты, Бирсов, в санчасть лучше иди. Всё равно с переломом не поступишь. Сам виноват.

Я махнул Виталику, что пора нам ретироваться методом

исчезновения. Вырвав у Баля подушку, мы покинули санузел.

– Денег хотели? – спросил я, укладываясь на кровать.

– И их тоже. Спасибо, Серёга. Век не забуду, – поблагодарил меня Виталя и направился к своей койке.

– Серый, чё случилось? – проснулся Макс, вскакивая с кровати. – Кто-то нарывается?

– Приснилось тебе. Спать давай, – усмехнулся я, переворачиваясь на бок. М-да, поздравляю, Серёга, ещё одного «друга» ты себе получил в лице Лёши Баля.

В течение двух дней предстояло преодолеть следующий этап. И он, как мне кажется, самый основной. По сути, в период именно данного мероприятия тебе ответят на главный вопрос – можешь ли ты стать лётчиком?

Профессиональный отбор. Именно так называется эта штука. Нужен он для того, чтобы проверить, как ты можешь мыслить нестандартно, мгновенно принимать решения в экстремальных ситуациях, насколько у тебя скоординированы движения. Короче, не «тормоз» ли ты!

В своё время помню, как ребята пытались как-то схитрить во время профотбора, что-то выудить у старших курсов, какие-то секреты раскрыть, чтобы пройти по более высокой графе. В идеале узнать, что вообще на профотборе этом будет.

Конечно, не всем это помогало. Если не дано, то не дано!

После завтрака майор Неваднев сопровождал мою группу в учебный корпус. Вход находился как раз со стороны буфета, в который попытались заскочить самые голодные. Однако в это время дня дверь оказалась закрытой. У курсантов занятия, так что торговля на паузе.

Стены украшены различными композициями, прославляющими героев-лётчиков, победу в Великой Отечественной войне и партию. Пластиковых панелей нет, а полы ещё деревянные. В небольшом закутке, ведущем к лестнице между этажами, висит огромное расписание занятий, заполненное от руки.

– Три хорошенько, Ивановский! Спать на сампо больше не будешь, – давал указание курсанту подполковник с повязкой дежурного по училищу.

– Да я не спал. Только... – оправдывался Ивановский, оттирая пол с помощью огромной железной шайбы с щёткой.

У кабинета нас встретила привлекательная женщина. Нельзя таким проводить столь сложные тесты! Парни будут больше на её стройные ноги смотреть, чем на бланки с заданиями.

– Добрый день, товарищи абитуриенты. Елена Петровна Майорова, психолог. Нам с вами предстоит пройти несколько этапов тестирования, – представилась она, приветливо улыбнувшись нам. Очень притягательного вида женщина – рыженькая, серые глаза, одета в бордовую блузку и чёрную юбку, которая обтягивала её стройные бёдра. А главное – две

пуговицы были расстёгнуты, что сразу привлекло внимание некоторых ребят. Да и Неваднев, нет-нет, да и косился на зону декольте.

Я-то знаю, что сейчас нужно сосредоточиться не на женских прелестях, а на будущих заданиях. Мои попытки одёрнуть Артёма и Макса ни к чему не привели.

– Хорош пялиться. Завалите дело, – прошептал я, стоя позади парней.

– Да как тут не пялиться! Ты посмотри, посмотри, – ответил Макс, пытаюсь слегка привстать на носки и увидеть, что же там у неё за блузкой.

– Если кому-то станет жарко, подходите ко мне. Водичка у меня на столе. Прошу, товарищ майор.

Елена Петровна проследовала в кабинет, а Неваднев, как и вся первая шеренга, провожали её взглядом.

– Так, ээ... справа по одному, в кабинет, – скомандовал майор.

Рассадили всех по одному за стол. «Коллективное творчество» на профотборе не предусмотрено.

– Пилотировать самолёт вам придётся самому, значит, и тесты должны пройти сами. Таков порядок, – объясняла психолог.

– Так, а если я буду на транспортных летать? Там же двое лётчиков? – поинтересовался Макс.

– Тогда вам нужно поторопиться. В Балашове ещё есть места, – улыбнулась ему Елена Петровна, выкладывая перед

ним бланк теста.

Предстоял длинный марафон в несколько часов по выполнению более десятка заданий. На каждое даётся по десять минут.

Для разминочки надо определить на шкалах, сколько показывает стрелка. Проще простого! Выяснил цену деления и написал ответ. Как мне кажется, если не справится с этим, то вставай и маши ручкой Елене Петровне. Потому, что дальше сложнее.

Перевернутые компасы и часики, где по одной стороне света или цифре нужно выяснить, куда указывает стрелка. На часах – время с точностью до десяти минут. Ну, такое, прямо скажу. Без напряжения.

Атмосфера в кабинете накалена, жара невыносимая, два вентилятора не справляются. К тому же привлекательная дама-психолог ходит между рядами, привлекая молодые неокрепшие организмы своей расстёгнутой блузкой и глубоким ароматом своих духов – цветов сирени.

Следующий блок – математический. Посчитать огромные выражения, определить закономерность и продолжить ряд представленных чисел. И вот здесь тишину стал нарушать едва слышимый шёпот. Каждый считал про себя, что-то плюсовал, отнимал и так далее. А у некоторых хватало времени ещё попросить помощи у впереди или сзади сидящего. Елене Петровне приходилось несколько раз призывать к снижению шума. Лёшу Баля, который с утра волком на меня смот-

рит, и вовсе предупредили несколько раз. Вёл он себя, прямо скажу, вызывающе.

Аудиотест, который шёл следом, вызвал бурю эмоций. Вечно переспрашивают, возмущаются, что не понимают. Как только ЛОРа проходили, если через раз слышат, какие диктор называет буквы и цвета, которые нужно подчеркнуть! Хорошо, что я сидел на первой парте, и магнитофон «Астра-206» получилось слышать без «помех», исходивших от остальных.

– Так быстро, товарищ Родин? – спросила у меня Елена Петровна, когда я протянул ей бланк с решением теста КЧТ – красно-чёрная таблица.

– Так точно. Ничего же сложного, – ответил я.

– Я бы так не сказала.

Майорова пристально осмотрела мой стол в поисках каких-то шпаргалок или подсказок. Надеюсь, что на курсе будут ещё подобные вундеркинды.

А затем началось самое «любимое» занятие для военнослужащих – психологический тест. Время уже не ограничивают. Куча вопросов о том, почему пошёл в лётчики, а не в танкисты, хорошо ли себя чувствуешь, готов служить или не готов и так далее. И таких мозговыворачивающих вопросов очень много. Реально сидишь и потеешь.

Заметил, под конец все уже устали. Да и я тоже не железный. Хочется ответить наобум, чтобы быстрее закончить и выйти в прохладный коридор. На это весь и расчёт. Тебе

нужно быть сконцентрированным всё время. А то можно и галочку не в том месте поставить и объявят тебя «вообще не умным». Некоторые, как я вижу, забили и от усталости отвечают на «как попало».

– Не отвечай на авось, – шепнул я сзади сидящему Артёму. – Сразу срежут.

Как только я закончил последний опросник, Майорова сказала подождать за дверью. Баля нас построил и скомандовал двигаться к выходу.

– Абитуриент Родин, останьтесь на минуту, – сказала Елена Петровна и попросила зайти в кабинет.

В глазах Макса появилось огромное разочарование, что это не он удостоился личной аудиенции у соблазнительной женщины. Так и хотелось ему сказать: «Я виноват, что такой “красивый”?»

– Присаживайтесь. Вы первый раз поступаете в лётное училище? – спросила Майорова, указывая мне на последний ряд.

– Да... так точно, Елена Петровна, – поправился я, усаживаясь на указанное место. Майорова встала напротив, скрестив ноги и сложив руки на груди. А пуговицы так и не застегнула. Исходя из её позы, предполагаю два варианта.

Первый вариант, что в её жизни мало ярких впечатлений, не хватает позитивных эмоций. Ей просто скучно и совершенно не устраивает то психологическое состояние, в котором она в данный момент прибывает.

Второй – кокетничает.

– Знаете, почему я вас оставила, Родин?

Хотелось сказать что-то вроде «ну не чаи гонять явно», но вряд ли эта привлекательная дама станет связываться с малолетним абитуриентом. Психолог направилась к двери и закрыла её на замок. Вот это да, Серый! Неужели сейчас тебе перепадёт?

– Вы знали, какие будут тесты, Сергей? – поинтересовалась она, медленно приближаясь ко мне сзади.

Вот не надо было показывать свою быстроту в решении тестов! Теперь будут сомнения. Итак, начальник училища взял на карандаш.

– Нет, конечно, Елена Петровна.

– Удивительный вы молодой человек. И чем вы так не угодили полковнику Крутову? – спросила она, направившись к своему столу. – Признаюсь, к вам он проявил неподдельный интерес.

И чего этот Николай Евгеньевич ко мне пристал? Самолюбие его удар нанёс, наверное, что пролез в училище после разбитого самолёта.

– Как я понимаю, вам была дана чёткая и понятная команда, что со мной делать, – сказал я. Майорову эта фраза удивила.

– Вы говорите вполне взрослым языком, товарищ Родин. Годков так на тридцать, – сказала психолог и снова подошла ко мне. – Сами как думаете, мне поступить?

– Думаю, что у вас есть все основания не препятствовать мне. Но дело ваше.

– Сомневаюсь. Дело как раз таки ваше. Может, стоит найти альтернативный выход из этой ситуации? Парень вы неглупый, должны понимать намёки, – Елена Петровна медленно наклонилась ко мне. Да что происходит-то, Серёга?! Тебя либо соблазняют, либо предлагают уйти по-хорошему. И эта блузка ещё расстёгнутая. Еле сдерживаюсь, чтобы туда не смотреть.

– Не хотите ли чаю, Елена Петровна? – спросил я.

– Вы свободны, Сергей. Встретимся на второй части профессионального отбора, – сказала Майорова.

После обеда всем свободным абитуриентам, за исключением наряда, была поставлена первая боевая задача. Кодовое название – операция «Гуси».

По указанию вышестоящего штаба, а именно майора Неваднева, необходимо скрытно, используя рельеф и складки местности, выдвинуться в район аэродрома. Транспорт не предоставлялся, поэтому весь путь в десять километров преодолевался пешком.

Задача заключалась в следующем – найти и уничтожить противника, захватившего взлётно-посадочную полосу. Из «вооружения» только руки и БСЛ калибра сто десять миллиметров – большая сапёрная лопата. Враг – вездесущая травка.

Как говорил один известный кот, совместный труд объединяет. Здесь тоже самое. Если в казарме многие держатся отстранённо, то здесь выясняется, что у них и голос имеется, и поговорить с ними есть о чём. Некоторые находят своих земляков и яро обсуждают свои родные места.

Огромное количество парней, замотавших головы футболками для защиты от солнечного удара, методично изничтожают мелкие зелёные насаждения, мешающие производству полётов на аэродроме.

Как раз сегодня, я смог воочию увидеть, насколько раньше круто были укомплектованы авиационные части Советского Союза техникой.

Огромное количество самолётов! В Белогорске в это время базировались два полка, оснащённых МиГ-17, Су-7 и Л-29. Конечно, это не современные «файтеры» и «бомберы», но для своего времени – мечта любого боевого лётчика. Можно сказать, реактивные «дедушки» Российской авиации.

– Серый, как думаешь, сколько лет Елене Петровне? – спросил Макс, присаживаясь на бетон рядом со мной.

– А зачем это тебе?

– Ну, просто, мне 18. Несильно ли она за разницу в возрасте будет переживать.

– Макс, ты чего? Влюбился? – спросил Артём.

– Женюсь на ней. Я прям вижу...

– Так, стоп! Максимка ты, походу, перегрелся, – усмех-

нулся я. – Давай, пошли к старшим, пускай тебя в казарму отведут.

По примыкающей к полосе рулёжной дорожке мчался ГАЗ-69. Вырулив на полосу, автомобиль направился в нашу сторону. Машина остановилась напротив нас и из неё вышел офицер в светло-синем лётном комбинезоне и офицерской фуражке.

– Здорово, орлы! Кто старший? – обратился ко всем офицер. Нетрудно догадаться, что перед нами, скорее всего, командир одного из полков.

Баля представился и скомандовал всем построиться.

– Вольно, вольно! Командир триста пятнадцатого учебного полка, полковник Добров Геннадий Павлович. С кем-то из вас мне предстоит полетать на тех самых машинах, которые у вас за спиной. Что за самолёты, знаете?

В строю оказалось много знатоков этой техники. Ответили буквально хором.

– Ладно, молодцы. Работу закончили и в казарму. Ефрейтор, командуйте.

Когда мы начали движение, меня одёрнул наш старший.

– Родин, тебя зовут, – сказал Баля и указал на Доброва.

Я просочился сквозь строй и подошёл к полковнику. Геннадий Павлович достал из чёрно-белой пачки сигарету и прикурил.

– «Стерву» будешь? – спросил Добров, протягивая мне открытую пачку

– Простите, кого?

– «Стюардессу» так называем. Болгарские, недавно попробовал, – потряс он пачкой сигарет. – Не куришь, значит. Весь в отца – такой же правильный. Как сам? – спросил полковник.

– Всё хорошо. А вы отца знали?

– Да. Жаль мужика. Ладно, беги встрой. В полк приедешь летать, там и поговорим, – сказал Добров и пожал мне руку.

Спать хотелось ужасно после такого напряжённого дня. Завтрашний день предполагал второй этап профотбора, нужно было хорошо отдохнуть.

Перед сном поймал себя на мысли, что вокруг семьи Родиных витает слишком много тайн. Чем же таким занимались отец и мать Сергея, что никто ничего не рассказывает? Просто так, конечно, не подойти к Доброву и не расспросить о родителях. Только если сам не захочет.

Ко второму дню «мозговывжималки» я подходил в относительно неведении тех тестов, которые необходимо пройти. Знал только, что сейчас будут всякие установки с лампочками и ручками. Но к такому «винтажу» не был готов.

Когда я поступал в прошлом, вернее, в будущем, эти все штуки на ладан дышали и практически не использовались. А сейчас оно всё работает. Вот прям всё!

– Следующий ты, Родин, – сказал вышедший из кабинета парень, вытиравший пот со лба.

– И как там? – спросил я.

– Трудно.

– Живее, Родин! – поторопили меня.

Войдя в кабинет, обнаружил в нём двоих дедушек, одетых в технические комбинезоны тёмно-синего цвета. На первый взгляд им обоим лет по семьдесят, но передвигались они вокруг аппаратуры очень бодро. Сразу вспомнились рассказы ребят, которые консультировались со старшими курсами и пытались получить от них хоть какую-то спасительную «соломинку». Один из таких советчиков утверждал, что два древних деда – настоящие церберы! Что ж, проверим.

– Ёптить, хорош зыркать и в кресло! Чего встал... как там тебя, – сказал лысый дедок и, щурившись, попробовал прочитать мою фамилию на бланке.

– Пень ты старый! Серёга зовут! Пенсия плачет по тебе, Генич! – подсказал ему второй, поправляющий лямки на аппарате.

К слову, сам аппарат не что иное, как подвижная кабина самолёта, установленная на шарнирах. А перед ней огромная панель с изображением волнистой линии – синусоиды, и белыми лампочками.

– Георгиц, отстань! Очки забыл. Ну чего встал, Родин? Прыгай и пристёгивай ремень, – сказал дед Генич.

Заняв место, я сразу взялся за ручку управления и поставил ноги на педали.

– Итак, ёптить, смотрим, слушаем и запоминаем. Даже если девка зайдёт вот с такими, – Генич описал перед собой

два больших круга, – всё равно смотри на лампочку и води по синусоиде. С девкой Георгич разберётся, он парень молодой.

– Пенёк! На полгода тебя старше! – воскликнул Георгич, цепляя мне на ногу и руку какие-то датчики.

– А это, чтобы пульс и давление считывать? – спросил я.

– Это, чтоб ты не засыпал, ёптить!

Аппаратура замигала, а кабина начала ходить в разные стороны. Всё как в полёте – любое движение нужно уравнивать. Вести луч по линии было несложно, пока не началось психологическое воздействие.

Под сиденьем сработала оглушающая сирена. Меня слегка передёрнуло, но с линии не ушёл.

И вот первый вираж. В руке и ноге возникла небольшая дрожь, словно органы управления завибрировали. Но и это не смогло сбить меня с темпа. На лице, непроизвольно, светилась улыбка.

Потянул ручку на себя – луч ушёл вверх. Нажал правую педаль – луч вправо. Дойдя до верха, даёшь ручку от себя, и луч пойдёт вниз. Гениально и просто! Вибрация только слегка отвлекает, но не критично.

– Генич, а чего он лыбится? – услышал я Георгича, стоявшего у аппаратной стойки.

– Да, ёптить, откуда ж я знаю. Нашёл чего спросить. Мож, где тренировался? – сказал Генич, стоявший где-то сзади.

– Вряд ли. А ты, пенёк, напругу давно проверял?

«Так-так-так, вы там чего задумали, старички-борович-

ки?! Какая напруга? Током, что ли, шарашить будут?», – за-
переживал я. А бросать ручку нельзя. Это сразу крест на по-
ступлении.

– Точно, Георгич. А ну, давай-ка, добавим.

Вибрация слегка усилилась, появилось уже видимое от-
клонение, но совсем незначительное. Если так, то и не кри-
тично. Немного осталось дотерпеть.

– В одну сторону прошёл. Теперь назад, – услышал я ко-
манду от Генича. – Хорошо идёт, ёптить! Георгич, а давай
на максимальную. Чтоб, прям, ручку захотелось бросить.

– Понял, выполняю, Генич!

Глава 12

Шандарахнуло прилично! Луч ушёл от линии значительно, и впервые загорелась красная лампа.

– Вот это другой разговор, ёптить! – радовался Генич. – Терпи казак – атаманом будешь!

Наконец я дошёл до конца, и аппаратура отключилась. Из сиденья я не вылезал, а выскакивал! Не понимаю, зачем нужно было меня валить? Крутов постарался и надавил, небось, на двух дедков. Майорову не получилось продать, а здесь, по старой дружбе не отказали!

– Ну как... ёптить, опять забыл, как там тебя зовут? – спросил меня Генич.

– Сергей Родин, – я еле-еле себя сдерживал, чтобы не высказать этим старичкам за такую подлость. Эмоции били через край – неужели сейчас опять вылечу с училища? Даже не успел поступить.

Дверь сзади открылась и в кабинет вошла Елена Петровна. Сегодня на её руках яркий красный маникюр, одета в зелёную узорную блузку с коротким рукавом и однотонную расклешённую юбку того же оттенка.

– Еленочка, красавица! Какими судьбами? – спросил Георгич, заполняя бланк.

– Пришла проконтролировать. Родин, не могли бы вы выйти? Объявите остальным, чтобы следующий не входил.

Его позовут, – сказала Майорова.

– Понял, – проговорил я и направился к двери.

– Сергей, подожди, ёптить, – позвал меня Генич. – Всё у тебя хорошо, сынок. Будешь летать, – сказал он мне тихонько на ухо и одобрительно похлопал по плечу.

Не знаю, как относиться к сказанному. Может ли быть такое, что дедки просто меня проверяли на максималках, так сказать? Рано ещё об этом говорить. Есть ещё несколько заданий в этом профмарафоне.

В следующем кабинете... тоже кабина самолёта, тоже лампочки, но гораздо больше. Если честно, первая мысль была – опять электрический стул. Но всё оказалось не таким уж и страшным. Нелёгким, но не страшным.

Панель с большим количеством лампочек: четыре красные отвечают за ручку управления самолётом, две зелёные – за педали и две белые – за ручку управления двигателем.

– Голубчик, всё здесь просто – вы должны отклонить органы управления в сторону загорающихся лампочек, – проводил инструктаж перед тестом ещё более древний дедушка. – Я помню, как...

Историческая справка затянулась минут на десять. Обычно, про таких дедков у меня говорили, что он ещё Гагарина в космос отправлял! Здесь, даже, не знаю с кем провести параллель. Может, с Нестеровым или Чкаловым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.